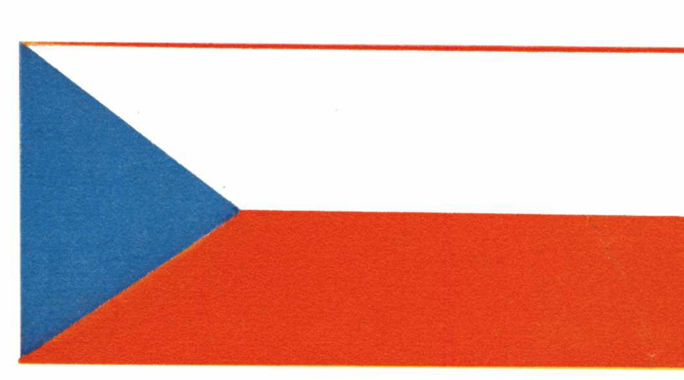

ЭТОТ НОМЕР «ОГОНЬКА» ПОСВЯЩАЕТСЯ БРАТСКОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

TOTO ČÍSLO «OGOŇKU» JE VĚNOVÁNO BRATRSKÉ ČESKOSLOVENSKÉ SOCIALISTICKÉ REPUBLICE.

TOTO ČÍSLO «OGOŇKA» JE VENOVANÉ BRATSKEJ ČESKOSLOVENSKEJ SOCIALISTICKEJ REPUBLIKE.

Товарищи Г. Гусак, Л. И. Брежнев, Л. Свобода в президиуме во время закрытия XIV съезда Коммунистической партии Чехословакии.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

«ОТСТАИВАЯ ЗАВОЕВАНИЯ СОЦИАЛИЗМА, ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ КОММУНИСТЫ БОРОЛИСЬ И БОРЮТСЯ КАК ЗА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СВОЕГО НАРОДА, ТАК И ЗА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ВСЕГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, ИНТЕРЕСЫ МИРА И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА».

Из речи на XIV съезде КПЧ Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева

«ЗАЛОГОМ НАШЕЙ МИРНОЙ ЖИЗНИ, НАШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СВОБОДЫ, НАШЕГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ЯВЛЯЮТСЯ СОЮЗ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ДРУГИМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ, НАША ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К МЕЖДУНАРОДНОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ».

Из доклада на XIV съезде КПЧ Генерального секретаря ЦК КПЧ Густава Гусака

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (2317)

27 НОЯБРЯ 1971

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

22 ноября 1971 г. открылся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал и обсудил доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР тов. Н. К. Байбакова «О Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. и о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1972 год» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова «О Государственном бюджете СССР на 1972 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1970 год».

В прениях по этим докладам выступили: тт. В. И. Конотоп — первый секретарь Московского обкома КПСС, И. К. Лутак — второй секретарь ЦК Компартии Украины, Я. П. Рябов — первый секретарь Свердловского обкома КПСС, Б. Ашимов — Председатель Совета Министров Казахской ССР, Н. Н. Тарасов — министр легкой промышленности СССР, И. А. Бондаренко — первый секретарь Ростовского обкома КПСС, Т. Я. Киселев — Председатель Совета Министров Белорусской ССР.

В заключение по этому вопросу с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум ЦК КПСС принял соответствующее постановление.

Пленум Центрального Комитета КПСС заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «О международной деятельности ЦК КПСС после XXIV съезда партии».

23 ноября 1971 года Пленум Центрального Комитета КПСС продолжал работу.

В прениях по докладу Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «О международной деятельности ЦК КПСС после XXIV съезда партии» выступили: тт. П. Е. Шелест — первый секретарь ЦК Компартии Украины, В. В. Гришин — первый секретарь Московского горкома КПСС, Г. В. Романов — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Ф. А. Табеев — первый секретарь Татарского обкома КПСС, Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, Л. С. Куличенко — первый секретарь Волгоградского обкома КПСС, П. М. Машеров — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, И. П. Кудинов — фрезеровщик Куйбышевского моторостроительного завода имени М. В. Фрунзе, А. А. Гречко — министр обороны СССР, Н. Н. Иноземцев — директор Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, А. Э. Восс — первый секретарь ЦК Компартии Латвии, Ш. Р. Рашидов — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана.

Пленум ЦК КПСС единодушно принял постановление по докладу тов. Л. И. Брежнева «О международной деятельности ЦК КПСС после XXIV съезда партии».

Пленум избрал тов. М. С. Соломенцева кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум освободил тов. М. С. Соломенцева от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с переходом на другую работу.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

МОСКВА. 24 НОЯБРЯ 1971 ГОДА В КРЕМЛЕ НАЧАЛА РАБОТУ ТРЕТЬЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ВОСЬМОГО СОЗЫВА. В 11 часов утра в зале заседаний Верховного Совета СССР в Большом Кремлевском дворце началось первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, В. В. Щербицкого, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Б. Н. Пономарева.

Совместное заседание обеих палат открыл Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР депутат А. П. Шитиков.

На повестке дня сессии:

1. О Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.
2. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1972 год.
3. О Государственном бюджете СССР на 1972 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1970 год.
4. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Утвержден также порядок работы сессии.

По первому и второму вопросам с докладом выступил Председатель Совета Министров СССР депутат А. Н. Косыгин, тепло встреченный присутствующими.

Фото А. ГОСТЕВА.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Подписание советско-сомалийских документов. Фото А. Гостева.

В нашей стране с официальным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства находился Президент Верховного революционного совета Сомалийской Демократической Республики генерал Мохамед Сиад Барре.

Мохамед Сиад Барре известен как видный политический деятель, активно выступающий за укрепление единства африканских стран, против сил империализма, неоколониализма и расизма, за предоставление независимости всем странам и народам, находящимся еще под колониальным гнетом. Он является последовательным сторонником развития дружественных отношений и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом.

В Кремле состоялись переговоры Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянского с Президентом Верховного революционного совета Сомалийской Демократической Республики генералом Мохамедом Сиадом Барре.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной, сердечной обстановке, основное внимание было уделено обсуждению вопросов дальнейшего развития и укрепления советско-сомалийских отношений. Стороны также обменялись мнениями по некоторым актуальным международным проблемам, представляющим интерес для обоих государств, о положении на африканском континенте и перспективах национально-освободительной борьбы народов Африки.

18 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял Президента Верховного революционного совета Сомалийской Демократической Республики генерала Мохамеда Сиада Барре.

19 ноября Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин встретился в Кремле с Президентом Мохамедом Сиадом Барре.

19 ноября в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-сомалийских документов.

Советско-сомалийское заявление подписали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент Верховного революционного совета Сомалийской Демократической Республики генерал Мохамед Сиад Барре.

Под консульской конвенцией подписи поставили министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и государственный секретарь по иностранным делам Сомалийской Демократической Республики Омар Артех Галиб.

Высокий гость ознакомился с жизнью советской столицы и совершил поездку по нашей стране.

ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ

29 ноября 1945 года в Белграде учредительная скупщина провозгласила Югославию Федеративной Народной Республикой. (Теперь — СФРЮ.)

В День Республики, так называется этот праздник, советские люди искренне желают счастья и процветания народам социалистической Югославии, вспоминают давнюю историю нашей дружбы. Первые страницы ее написали отважные люди, югославские добровольцы-интернационалисты, которые в годы гражданской войны боролись и умирали за свободу России и за новую жизнь на своей родной земле. Нам памятны и те дни, когда в совместных боях за освобождение Белграда и в других боевых операциях югославские патриоты и наши воины бились рядом, плечом к плечу. «Фундамент дружбы и братства советского и югославского народов скреплен кровью, пролитой в борьбе против общего врага. Этот фундамент незыблем»,— подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своем выступлении на митинге на заводе электронной промышленности в Земуне в дни своего дружественного визита в СФРЮ. Да, этот фундамент незыблем, и на нем развиваются ныне политические контакты между нашими странами, расширяются связи в экономической, научно-технической, культурной и других областях.

На снимке: Риека — порт-труженик. За последний год грузооборот порта достиг 5,5 миллиона тонн. Часто заходят сюда советские суда. Советский теплоход «Россия» в гавани порта Риека.

Фото ТАСС.

Фидель Кастро отвечает на приветствия жителей Сантьяго. Справа — Сальвадор Альенде.

Радиофото Пренса Латина — ТАСС.

ФИДЕЛЬ КАСТРО В ЧИЛИ

В Чили по приглашению президента Республики Сальвадора Альенде с официальным визитом находилась кубинская правительственная делегация во главе с Первым секретарем ЦК Компартии, премьер-министром Революционного правительства Кубы Фиделем Кастро.

«Визит в Чили Фиделя Кастро,— писала «Сигло», газета чилийских коммунистов,— это свидетельство победы народов Латинской Америки. Здесь, в Чили, у Кубы миллионы друзей, как и в других районах континента, где народы поднимают знамя освобождения».

Тепло и радушно принимали чилийцы посланцев острова Свободы, совершивших поездку по стране. Везде, где бы они ни побывали, можно было видеть флаги обеих стран, яркие лозунги и транспаранты со словами о нерушимой кубино-чилийской дружбе. Шахтеры, студенты, рабочие, жители Сантьяго, Антофагасты, Икике, Консепсьона приветствовали в лице Фиделя Кастро героический народ Кубы, впервые в истории Латинской Америки вставший на путь строительства социализма.

Выступая на митинге жителей города Консепсьона, Фидель Кастро отметил, что экономическая блокада, установленная империализмом вокруг Кубы, вооруженные провокации, бандитские налеты, саботаж и диверсии — все было направлено на то, чтобы задушить кубинскую революцию. Но империалисты просчитались. Народ Кубы вышел победителем. Фидель Кастро подчеркнул, что «решающим фактором в этом была помощь социалистических стран и особенно Советского Союза».

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КЛЕМЕНТА ГОТВАЛЬДА

ПЛАМЕННЫЙ КОММУНИСТ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Славный полувековой юбилей Коммунистической партии Чехословакии, который торжественно был отмечен в этом году, неразрывно связан с именем выдающегося деятеля чехословацкого и международного коммунистического и рабочего движения Клемента Готвальда.

Советским людям он известен как непоколебимый марксист-ленинец, интернационалист, отдавший всю свою жизнь делу борьбы рабочего класса за социальное освобождение и строительство социалистического общества в Чехословакии.

К. Готвальд всегда стремился творчески применить ленинизм к конкретным условиям Чехословакии, строго соблюдая в то же время общие закономерности марксистско-ленинского учения.

Встав во главе партии в 1929 году на V съезде КПЧ, К. Готвальд воспитывал коммунистическую партию в духе преданности идеям пролетарского интернационализма, идеям марксизма-ленинизма. Победа принципов ленинизма, одержанная большевистским направлением в партии под его руководством, позволила КПЧ найти правильную революционную линию, отвечающую условиям развития Чехословакии. Партия выстояла в период самых тяжелых испытаний в истории страны и в результате национально-демократической революции обеспечила полную победу рабочего класса над буржуазией в февральские дни 1948 года. Большой заслугой К. Готвальда является его непримиримость к любым проявлениям оппортунизма и ревизионизма, ко всякого рода уклонам.

В годы существования буржуазной республики в Чехословакии К. Готвальд неоднократно призывал к борьбе за независимость страны и союзу с первым в мире государством рабочих и крестьян — СССР.

Клементу Готвальду принадлежит большая заслуга в выработке правильной генеральной линии КПЧ, ее стратегии и тактики во время февральских событий 1948 года, когда произошло открытое столкновение рабочего класса с буржуазией. Благодаря этой линии и руководящей роли КПЧ, ее опыту рабочий класс одержал победу над реакцией и обеспечил стране путь социалистического развития. Февральская победа продемонстрировала большую политическую и организаторскую зрелость компартии, укреплению которой Клемент Готвальд посвятил жизнь. И трудящиеся Чехословакии воочию убедились, что КПЧ была единственной политической силой в стране, которая до конца отстаивала национальные интересы своего народа.

Коммунист-интернационалист, Клемент Готвальд глубоко понимал всемирно-историческую роль первого в мире социалистического государства. В Советском Союзе он видел залог развития и укрепления мирового социализма, гарантию свободы и независимости народов Чехословакии. Поэтому для него торжество социализма в стране всегда связывалось воедино с дружбой с СССР — оплотом всех революционных и прогрессивных сил в мире.

Коммунистическая партия Чехословакии достойно продолжает на нынешнем этапе славные революционные интернациональные традиции. Выступая на XXIV съезде КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПЧ товарищ Г. Гусак подчеркнул: «Мы навсегда сохраним верность лозунгу Клемента Готвальда: «С Советским Союзом — на вечные времена!»

А. ГУСЬКОВ

ДРУЖБЕ НАШЕЙ ЦВЕСТИ

Президент Чехословацкой Социалистической Республики товарищ Людвик СВОБОДА отвечает на вопросы журнала «Огонек».

Вопрос. В конце ноября в ЧССР состоятся выборы в Федеральное собрание, национальные советы Чешской и Словацкой Социалистических Республик, а также в местные национальные комитеты. Какое значение, по вашему мнению, они будут иметь для дальнейшего развития Чехословацкой Социалистической Республики?

Ответ. На современное положение в Чехословацкой Социалистической Республике я смотрю с обоснованным оптимизмом.

Мы хорошо понимаем, что после глубокого кризиса, который пережило наше общество в прошедшие годы, мы не должны успокаиваться. Но мы твердо убеждены, что предстоящие выборы еще больше укрепят единство трудящегося народа, единство нашего социалистического общества и только подтвердят абсолютное поражение правых элементов.

Чехословацкий народ с одобрением встретил программу дальнейшего всестороннего развития нашего социалистического общества, принятую XIV съездом Коммунистической партии Чехословакии. Дело не только в одобрении. Активность наших трудящихся в промышленности и сельском хозяйстве, активность рабочих, крестьян и интеллигенции, пожилых и молодых — все это доказательство того, что абсолютное большинство нашего народа горячо поддерживает и осуществляет эту программу. Под руководством партии, благодаря усилиям трудящихся наша социалистическая республика успешно развивается как в экономической, так и в политической областях.

Особенно я хотел бы подчеркнуть размах активности молодежи ЧССР. Мы многое ожидаем от нее. В период широкого внедрения науки и техники, когда буквально на глазах меняется мир, мы ожидаем от нашей молодежи, что она сумеет объединить высокую эрудицию с политической зрелостью, с вдохновением, свойственным молодости, с готовностью преодолевать препятствия и прокладывать путь прогрессу.

На будущее у нас хорошие как внутренние, так и международные предпосылки для всестороннего и успешного развития нашей родины. Дальнейшее углубление тесного сотрудничества с Советским Союзом и другими странами — членами СЭВ, плодотворное осуществление международной социалистической интеграции создают очень хорошие условия для того, чтобы в сравнительно краткий период мы смогли бы достичь новых замечательных успехов социалистического развития страны.

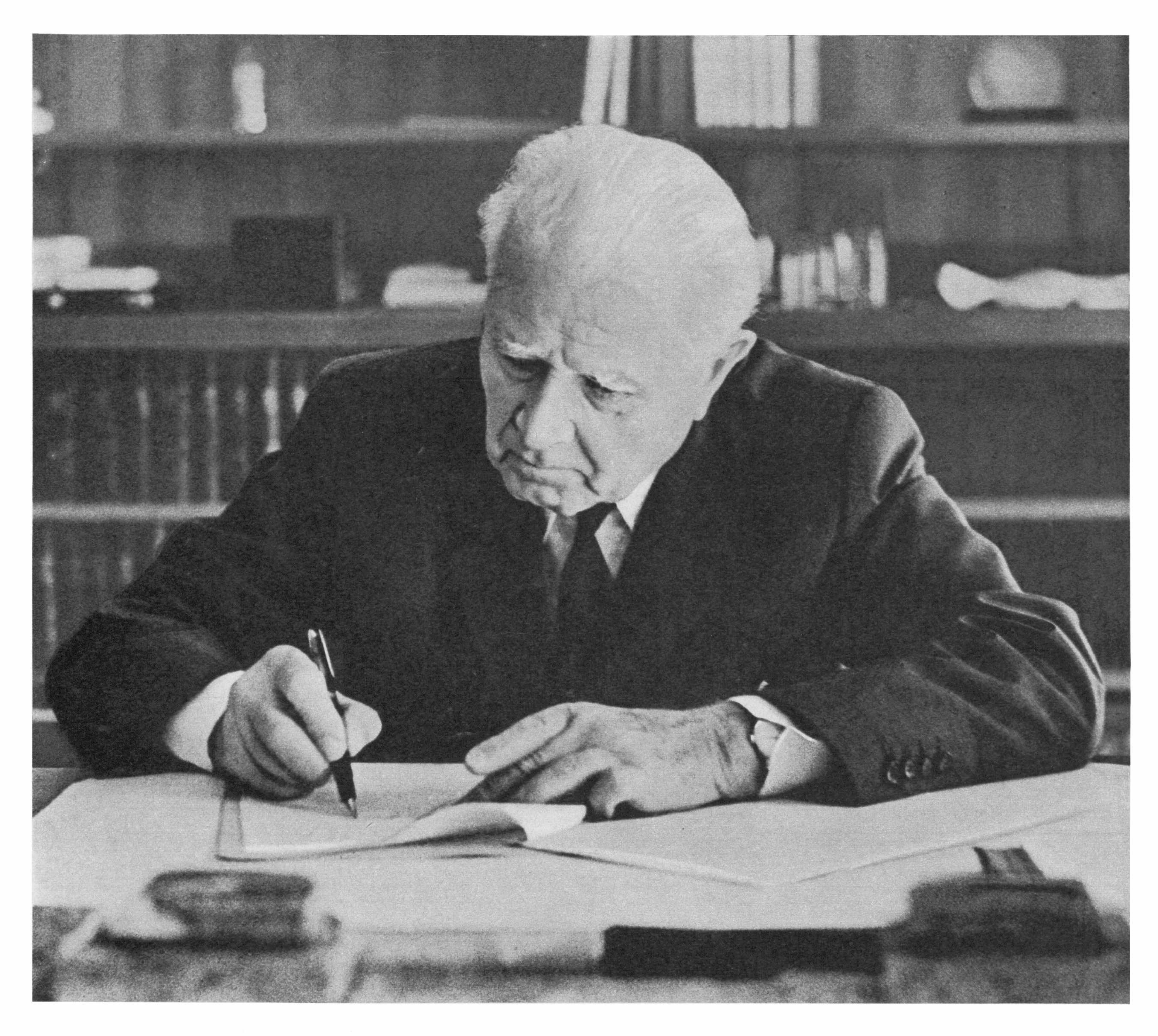
Вопрос. Как вы оцениваете программу мира, выдвинутую XXIV съездом КПСС, какова роль социалистической Чехословакии и ее Коммунистической партии в деле укрепления безопасности в Европе?

Ответ. Чехословацкий народ с огромной радостью и полной поддержкой относится к политике мира, проводимой Советским Союзом. В программе мира, принятой на XXIV съезде КПСС, мы видим программу всеобщей борьбы за мир и международную безопасность, за свободу, независимость и социальный прогресс народов. Она выступает за ликвидацию центров напряженности и такое конструктивное решение всех современных острых вопросов, которое бы укрепляло и усиливало влияние и роль социализма и всех революционных сил современности.

Успехи, достигнутые Советским Союзом и другими социалистическими странами в борьбе за мир, за разрядку международной напряженности, не упали, как говорят, с неба. Они — результат гигантского усилия прежде всего советского народа, его безграничной самоотверженности и неустанной борьбы против происков международного империализма, за укрепление силы и безопасности социалистических стран, за свободу народов и мир во всем мире. Мы по праву утверждаем, что, если бы не было Советского Союза, его мощи, его самоотверженных усилий, не было бы и мира на нашей планете.

Программа мира, которую Советский Союз так последовательно и целеустремленно претворяет в жизнь, отражает кровные интересы не только социалистических стран, но и, по существу, народов всего мира. Мы в Чехословакии считаем ее и своей собственной программой, так как она выражает наши цели, нужды, интересы и чаяния. Поэтому мы во внешнеполитической деятельности будем в полном соответствии с решениями XIV съезда нашей партии поддерживать советские мирные предложения, всячески содействовать их осуществлению.

Чехословакия особенно заинтересована в укреплении мира, безопасности и сотрудничества в Европе. Мы делаем все, чтобы общеевропейское совещание по вопросам безопасности и сотрудничества было созвано как можно раньше. Мы придерживаемся того мнения, что жизненные интересы и нужды всех европейских народов требуют,

чтобы Европа стала континентом мирного сосуществования и взаимного успешного сотрудничества.

Вопрос. В дни, когда выйдет этот номер «Огонька», посвященный жизни братской Чехословакии, наши народы будут торжественно проводить месячник чехословацко-советской дружбы. Что бы вы хотели в связи с этим событием пожелать советскому народу?

Ответ. Я знаю, что среди миллионов читателей «Огонька» есть и молодые и пожилые люди. Я хотел бы послать им свое сердечное и братское приветствие и поздравление с нашим общим праздником — 54-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Со старшим поколением мы вместе воевали, вместе проливали кровь и вместе победили в боях против гитлеровского фашизма. Это спаяло нашу дружбу на вечные времена. Младшему поколению выпала честь нести дальше знамя нашей дружбы, развивать и обогащать ее.

Сотрудничество чехословацкого и советского народов неустанно углубляется и расширяется, как и сама жизнь. Стремительное развитие современного мира требует, чтобы плодотворное сотрудничество наших трудящихся — рабочих, крестьян, ученых, техников и работников культуры было еще более тесным и непосредственным. Опыт показывает, что братская дружба укрепляется прежде всего тогда, когда совместными усилиями наших трудящихся решаются прогрессивные проблемы экономической кооперации, технического и научного сотрудничества и другие задачи общей борьбы за новые победы социализма и коммунизма, за процветание наших народов, за мир между народами. В этом направлении с каждым годом развиваются и торжества в дни месячника чехословацко-советской дружбы.

Я хотел бы высказать убеждение, что сегодняшняя молодежь наших стран будет достойно продолжать славные боевые традиции прошлого и уверенно решать задачи, которые выдвигает течение современной жизни. И наша вечная дружба будет и впредь цвести и принесет новые богатые плоды.

Всем вам, дорогие друзья, от всего сердца желаю крепкого здоровья и дальнейших больших успехов.

Praha, 9.10.1971

Svoboda

Делегация КПСС на «Авто-Праге».

РАБОЧИЕ «АВТО-ПРАГИ»

Несколько месяцев назад, когда проходил XIV съезд КПЧ, делегация КПСС, принимавшая участие в его работе, посетила завод «Авто-Прага». Товарищ Л. И. Брежнев и другие члены делегации КПСС прошли по цехам завода, где их горячо встретили рабочие. Выступая на митинге, в котором, кроме трудящихся «Авто-Праги», участвовали посланцы других трудовых коллективов чехословацкой столицы, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «В сердце каждого советского человека уже одно упоминание о заводе «Авто-Прага» вызывает добрый отклик. Мы не забываем друзей и умеем ценить отвагу и стойкость соратников в борьбе за наше общее дело, дело строительства социализма и коммунизма».

Корреспонденты «Огонька» ведут репортаж с этого завода.

— Наши чувства, выраженные в известном письме в «Правду», разделяло большинство наших рабочих,— вспоминает старший мастер цеха Иржи Кастел, председатель идейно-воспитательной комиссии завкома профсоюза. Коллектив «Авто-Праги» состоит в основном из рабочих кадровых, а это само за себя говорит. Мы видели большую опасность в действиях контрреволюционеров всех мастей и знали, что только непреклонная воля рабочего класса, стойкость каждого преданного коммунистической партии человека помогут отстоять наши завоевания. Мы не забываем уроков кризисного периода и сейчас смело говорим об этом, учим людей правильно понимать существо классовой борьбы.

Оппортунисты обрушили тогда на нас потоки брани и клеветы, развернули кампанию разнузданной травли, угрожали нам физической расправой. О письме девяноста девяти узнал весь мир. За воротами завода в те дни толпились представители буржуазной прессы, а мы вывесили у проходной красный флаг — пусть все видят, что мы не сдадимся!

Редактор нашего заводского радиовещания Йозеф Бравенец (он теперь у нас на заводе возглавляет отделение Союза чехословацко-

советской дружбы) готовил тогда передачу — ответ центральному радио. Оппортунисты пронюхали об этом и потащили его в центральный радиокомитет. Там на Йозефа орали, стучали кулаками по столу, требовали отчета о его взглядах. Но он им твердо заявил: «Я коммунист, коммунистом и останусь!» Тогда ему запретили вести политические передачи, а потом запретили и вообще любую работу заводского радио.

Запугать нас, как вам известно, не удалось.

Разговор продолжила Гана Галовова, член заводского комитета КПЧ, заведующая счетно-вычислительной станцией:

— Недавно из поездки по Советскому Союзу вернулась группа наших рабочих — двадцать пять человек. Они побывали в Москве, Ленинграде, республиках советской Прибалтики. Теперь все товарищи делятся впечатлениями об этой поездке и на рабочих собраниях, и по радио, и в многотиражке, ну и, конечно, в личных беседах...

Услыхав, о чем идет разговор, к нам подходят две работницы — Кувкальцева и Рамбоускова, обе Марии. Они тоже только что вернулись из этой поездки и на наш вопрос, что им больше всего понравилось в Советском Союзе, отвечают:

— Все! И заводы, и чистота на улицах, и метро. Но главное — люди повсюду нас так тепло и сердечно встречали!

— Эта поездка нам очень помогает в политической работе,— продолжает Гана Галовова,— у нас сейчас начался год партийной учебы, наглядные примеры всегда убедительны, а их у наших лекторов и пропагандистов теперь много. Особенно ответственна воспитательная работа среди молодежи. Тут есть масса проблем — от длинных нечесаных шевелюр до того, что под этими самыми шевелюрами, в голове, имеется. У наших молодежных вожаков дел по горло.

Галовова подводит нас к многошпиндельному токарному станку, знакомит с милой голубоглазой девушкой Таней Гафияковой. Таня — член заводского комитета и председатель первичной организации Социалистического союза молодежи Чехословакии, корреспондент многотиражки, заведующая пионерским лагерем, член комитета Союза чехословацко-советской дружбы. В этом году вступила в КПЧ. А лет ей всего лишь девятнадцать! Окончила ремесленное училище и училась в заочном техникуме, но пришлось оставить. («Ничего, потом доучусь, сейчас есть дела и поважней!»)

И опять к нам подходят люди. Работница Божена Лоренцова рассказывает, что они с мужем были в числе девяноста девяти, и просит передать слова признательности советскому народу и правительству за высокие награды — недавно всем им были вручены ленинские юбилейные медали.

Лоренцова с 1962 года член КПЧ, активистка Союза чехословацко-советской дружбы. Дважды была в Советском Союзе — первый раз в шестьдесят девятом, когда девяносто девять рабочих «Авто-Праги» пригласили посетить Ульяновск и Москву, и вот сейчас.

— И знаете,— говорит она,— мы уже двенадцать лет дружим с семьей Константина Зайцева из уральского города Асбеста — переписываемся, он приезжал к нам в гости, а моя дочка Божена в шестьдесят восьмом году гостила у них на Урале. А познакомились мы так. Мой брат работал в Асбесте — монтировал на руднике чехословацкие электроустановки. Там он и подружился с Костей, а через него — вся наша семья. И вот когда я подписывала письмо, то думала именно о Косте, который пережил блокаду Ленинграда, о тех жертвах, которые принесли советские люди в те годы, когда, по существу, решалась судьба человечества. Многие рабочие нашего завода тоже имеют такие личные контакты с советскими людьми, ездят семьями в гости, и эти неофициальные обмены очень полезны, потому что, возвращаясь домой, каждый спешит поделиться своими впечатлениями со всеми своими друзьями и знакомыми. А ведь чем лучше мы узнаем жизнь друг друга, тем крепче будет наш социалистический лагерь, тем прочнее будут узы дружбы наших братских народов...

Александр БУЛГАКОВ,
Председатель Центрального правления Общества советско-чехословацкой дружбы

ВЕЧНАЯ, НЕРУШИМАЯ

Вся деятельность Общества советско-чехословацкой дружбы подчинена единой задаче: содействовать осуществлению политики КПСС, направленной на дальнейшее углубление братской советско-чехословацкой дружбы, знакомить трудящихся Советского Союза с жизнью и трудом чехословацкого народа, с его успехами в социалистическом строительстве, с историей и культурой Чехословакии, широко пропагандировать идеи дружбы, традиции совместной революционной и антифашистской борьбы народов Советского Союза и Чехословакии, делать все возможное для быстрейшего движения наших стран к счастливому коммунистическому будущему.

Наше Общество было основано в январе 1958 года. В настоящее время в нем насчитывается 137 республиканских, областных, городских, районных отделений, около 4 500 коллективных членов — промышленных предприятий, колхозов, совхозов, учреждений, учебных заведений. Только в Москве более 150 первичных организаций ОСЧД.

Недавно состоялась III Всесоюзная конференция Общества советско-чехословацкой дружбы, в которой приняло участие около 250 делегатов со всех концов нашей страны.

Ежегодно Общество организует тысячи собраний, митингов, лекций, докладов, бесед, вечеров дружбы, встреч с чехословацкими друзьями, приезжающими в нашу страну, литературных и музыкальных вечеров, выставок и кинофестивалей. Сложилась хорошая традиция отмечать ежегодно национальные праздники чехословацкого народа, важнейшие памятные и юбилейные даты в истории Чехословакии и советско-чехословацкого содружества. Особенно широко были отмечены в нашей стране 25-я годовщина освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков, 50-летие Коммунистической партии Чехословакии. В мероприятиях этих массово-политических кампаний приняли участие десятки миллионов советских людей.

Успешной работе Общества в значительной степени способствовали укрепившиеся братские контакты с Союзом чехословацко-советской дружбы — массовой, авторитетной организацией чехословацких трудящихся, верным и надежным помощником Коммунистической партии Чехословакии. Союзу чехословацко-советской дружбы принадлежит немалая заслуга в укреплении и развитии дружбы между народами Советского Союза и Чехословакии.

Мне не раз приходилось бывать в Чехословакии. Много впечатлений вынес я из этих поездок. И самые яркие остались в моей памяти от встреч с людьми — рядовыми тружениками и министрами, студентами и убеленными сединами ветеранами коммунистической партии. Всех их объединяет принадлежность к Союзу чехословацко-советской дружбы, любовь к первому социалистическому государству и его народу. В решающий момент истории наши друзья вместе с десятками тысяч чехословацких коммунистов и беспартийных патриотов мужественно выступили в защиту социализма, в защиту священной дружбы с советским народом. Высокая награда социалистической родины — орден Республики, которого был удостоен Союз чехословацко-советской дружбы в прошлом году, наполняет гордостью и наши сердца.

Наше Общество и Союз чехословацко-советской дружбы широко обмениваются делегациями, туристскими группами, поездами дружбы, выставками, книгами. Члены делегаций и туристских групп нашего Общества, выезжающие в Чехословакию, принимают активное участие в мероприятиях Союза чехословацко-советской дружбы, выступают перед чехословацкой общественностью, участвуют в семинарах и конференциях, помогают чехословацким друзьям в изучении русского языка. В мае этого года в Праге был открыт Дом советской науки и культуры.

Крепнут дружеские связи между местными отделениями Общества советско-чехословацкой дружбы и организациями Союза чехословацко-советской дружбы в областях, городах и районах ЧССР, между родственными предприятиями и организациями Советского Союза и Чехословакии.

Подмосковный Подольский район дружит с Кладненским районом Среднечешской области, а совхоз «Подольский» — с госхозом Злонице, что расположен возле Кладно. Хозяйства соревнуются между собой и обмениваются опытом. В 1969 и 1970 годах комбайнеры совхоза «Подольский» работали на полях госхоза Злонице, а чехословацкие механизаторы трудились в Подмосковье.

Организации Общества советско-чехословацкой дружбы принимают активное участие в осуществлении культурных связей с Чехословакией. Так, например, при помощи активистов Грузинского отделения на грузинский язык были переведены многие произведения чешских и словацких писателей, основные труды великого чешского педагога и мыслителя Яна Амоса Коменского.

Нет в Чехословакии человека, который бы не знал села Соколово в Змиевском районе на Харьковщине. Здесь в марте 1943 года принял первый бой с фашистскими захватчиками чехословацкий батальон, которым командовал замечательный военачальник и патриот Людвик Свобода, ныне президент Чехословацкой Социалистической Республики. Здесь геройски погиб славный чехословацкий воин Отакар Ярош, первый из иностранных граждан, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза. Именем Яроша названа школа в Соколове. Только в 1970 году учащиеся этой школы работали более чем с 1 500 экскурсионными группами гостей Соколова, среди которых было немало чехословацких друзей. Возле памятников славы и могил, где похоронены советские и чехословацкие воины, ребят принимают в пионеры и комсомол. Здесь молодежь встречается с ветеранами войны. В день свадеб сюда приходят счастливые молодые супруги, чтобы положить букеты цветов на могилы солдат, отдавших свои жизни за счастье будущих поколений. Соколовское отделение Общества советско-чехословацкой дружбы завело добрую традицию: каждый, кто приезжает в село, сажает дерево на Аллее дружбы.

Одним из направлений работы Общества советско-чехословацкой дружбы является пропаганда традиций нашей дружбы среди школьников, что представляет собой неотъемлемую часть интернационального воспитания подрастающего поколения. Мы воспитываем наших детей на традициях советско-чехословацкой дружбы, и эти традиции становятся не только впечатлениями, но и убеждениями наших детей. Обширно поле деятельности юных активистов нашего Общества. Это торжественные линейки и пионерские сборы, посвященные социалистической Чехословакии, переписка с чехословацкими школьниками. Активно работают красные следопыты школ, являющихся коллективными членами Общества. Президент Чехословакии — почетный член многих пионерских клубов интернациональной дружбы в нашей стране. Лучшие активисты Общества из числа школьников проводят свои летние каникулы в пионерских лагерях в живописных уголках ЧССР, где они помогают своим чехословацким сверстникам в изучении русского языка. А чехословацкие дети с удовольствием отдыхают в пионерских лагерях СССР.

На нашу долю выпала великая честь — своим трудом содействовать укреплению вечной и нерушимой дружбы между советским и чехословацким народами. Общество советско-чехословацкой дружбы сделает все, чтобы быть достойным этой чести.

Страна моя, Чехословакия

Зденек ГОРЖЕНИ,
заместитель главного редактора газеты
«Руде право»

Редакционная почта — это окно в проблемы страны. Я люблю читать и хорошие и малоприятные письма. Одно из них меня очень взволновало. Это было письмо читательницы из Броумовска. Она жаловалась на незваных гостей, повадившихся в последние годы приезжать осматривать дома, в одном из которых ее семья поселилась много лет назад. Рассказывая об этом письме, я не выдаю редакционного секрета. Более того, мы это письмо опубликовали в «Руде право», и, как я узнал потом, оно взволновало не только меня, но и многих других. Разрешите его процитировать еще раз: «Мы живем в пограничном районе, в поселке Броумовск, вот уже одиннадцать лет. Получили домик, отремонтировали его, высадили сад.

В 1968 году в июле из ФРГ приехали несколько визитеров и, утверждая, что дом принадлежит им, пытались проникнуть внутрь. Выругавшись с досады, они ушли. Мы считали этот инцидент одним из проявлений 1968 года. С тех пор было все спокойно вплоть до недавнего времени, когда снова появились шестеро визитеров. Они нахально обошли мой дом, осмотрели его, сфотографировав со всех сторон, бродили по саду, снова пытаясь попасть в дом, утверждая, что это якобы их имущество. Дома были только старики, и их не пустили. «Гости» перенесли свой визит на следующий день, то есть на субботу, когда, как они полагали, мы будем дома все. И действительно, они пришли часов в десять утра. Один из них вел переговоры, он говорил по-чешски и сухо, не поздоровавшись, подчеркнул, что господа — собственники этого имущества и хотели бы посмотреть дом внутри. Вели себя они грубо и все время повторяли, что дом принадлежит им и так далее. Мы напомнили им, что притязания их бессмысленны, так как эта земля принадлежит Чехословакии. Они вышли за ворота, снова фотографировали наш дом и ушли совсем.

Мы выглядели так, словно снимали у них дом и обязаны были его содержать в порядке. И такие визиты повторяются довольно часто...»

Я хотел рассказать вам, что нового происходит в моей стране, а, как видно, придется начать свою статью с международных проблем. Однако речь идет о той проблеме, которую нельзя исключить из современной чехословацкой действительности.

Вместе с туристами, которые приезжают познакомиться с Чехословакией и которых наш гостеприимный народ всегда сердечно встречал и встречает, через границу приезжали на «опелях» и «мерседесах» подозрительные личности. Я не говорю о весне и лете 1968 года. Так было и раньше. Это случается, как свидетельствует письмо из Броумовска, и сегодня. К нам за «своим» недвижимым имуществом иногда заезжают также те, кто после войны был выселен из Чехословакии по решению Потсдамской конференции. Не сомневаюсь, что это те самые люди, которые входят в число ярых противников нормализации отношений между ФРГ и социалистическими странами. Они объявили борьбу договорам между ФРГ и СССР, ФРГ и Польшей. Эти силы мутят международные воды и как черт ладана боятся любого слова о неизменности нынешних европейских границ или признания недействительным позорного мюнхенского сговора 1938 года.

Письмо из Броумовска напоминает нашему сегодняшнему поколению о значении обеспечения национальной безопасности, которую охраняет исторический договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный между Чехословакией и Советским Союзом еще в годы войны, в 1943 году. Славная Советская Армия утвердила этот договор, освободив нашу родину.

Проблема ликвидации угрозы со стороны западногерманского милитаризма для нас исторически решена. Четырнадцать миллионов чехов и словаков — составная часть социалистического содружества, у них есть на кого опереться, они теперь не одни и никогда не будут одни. И это существенная черта нашей современности!

В 1948 году после известных февральских событий, когда наш государственный корабль взял твердый курс на социалистическое развитие, я как-то признался своему отцу — коммунисту с 1921 года, что завидую ему и той борьбе, в которой он участвовал. Мы пришли, казалось мне, уже к накрытому столу, к победе, и воевать нам уже не придется.

Это были наивные слова человека, которому только исполнилось восемнадцать лет. Достижение политической власти еще не означает, что новое общество уже построено, но эту мудрость я прочитал у Ленина и проверил в жизни позднее. И снова я не могу не призвать в свидетели 1968 год. Многое он подтвердил, многому научил.

Это не так просто—построить социалистическое общество. Строительство его предполагает длительную борьбу старого с новым не на жизнь, а на смерть. Борьбу давних пережитков с новой моралью, борьбу буржуазной идеологии с идеологией социалистической, столкновение морального кодекса строителя коммунизма с моралью мещанина. Контрреволюционные события 1968 года отбросили нас на много лет назад. Ничего не поделаешь. Кое-где нужно начинать сначала. Кое с кем нам пришлось расстаться, убедившись в том, что эти люди придерживались оппортунистических взглядов или даже предавали...

Я не хочу скрывать, что у нас еще есть немало людей, головы которым заморочили своей демагогией Смрковские и Дубчеки. Этих людей нужно завоевывать на сторону политики консолидации. И мы делаем в этой области много, потому что мы коммунисты и хотим привлечь на свою сторону каждого честного гражданина.

Я не собираюсь скрывать, что и сейчас среди нас притаились недруги Советского Союза и социализма, реакционеры, которые в течение долгих лет ждали момента, удобного для переворота, и в 1968 году намеревались отомстить за свое поражение в феврале 1948 года. Я знал одного молодого человека, моего ровесника, журналиста. В 1968 году он был инициатором гнусной кампании с целью очернить память о честном антифашисте, коммунисте и партизане, убитом в сорок восьмом году американским агентом, засланным на территорию Чехословакии. Почему он это сделал? Выяснилось, что сын мстил за своего отца, предателя и прислужника нацистов, которого этот антифашист и партизан заставил после войны предстать перед справедливым судом. Добавим в качестве эпилога: этот «мой ровесник» после августа 1968 года поспешил эмигрировать и сейчас верно служит одной иностранной радиостанции. Но это так, к слову. Не все, конечно, открытые враги эмигрировали. Возможно, оставшиеся снова ждут «шанса», может, только поэтому они и отошли на задний план. Возможно, кое-кто из них активно размышляет, какими методами теперь можно вредить, мутить воду, саботировать и так далее.

Нет, я рассказываю все это не для того, чтобы пожаловаться. Я просто хочу, чтобы читатели знали и о том негативном, что у нас еще есть, и надеюсь, что они поймут меня правильно. Это все характеризует то трудное время, в котором наше общество должно бороться с мелкобуржуазными тенденциями и национализмом. Это не что иное, как политическая борьба.

Наша страна — прекрасный сад Европы. И я люблю ее так же, как русский любит свою Россию, украинец — Украину, грузин — Грузию, эстонец — Эстонию. Легенда рассказывает, что когда-то в эти места пришел праотец Чех, наш легендарный прапредок, и оглянулся вокруг, и, стоя на горе Ржип в середине Чехии, он не мог не воскликнуть: «Эта страна утопает в молоке и меде!»

И сегодня, когда нас уже 14 миллионов и кое-что за эти годы уже

Две подруги, две Нади—Кухаржова и Винкларжова. Они делают известную во всем мире блонецкую бижутерию.

Злата Прага.

Огни Братиславы.

Свадьба в кооперативе имени Чехословацко-Советской дружбы. Село Рача близ Братиславы.

сделано, мы гордимся тем, что наш трудолюбивый и талантливый народ создал своими руками за годы социалистического строительства.

Достаток, однако, мы готовы принимать как само собой разумеющееся. Но горе недостаткам! Их мы любим выискивать, особенно у других. Да, да, мы и такие.

У нас много было сделано в деревне, особенно после коллективизации. Кооперативы разбогатели, получили технику, кое-где в деревне живут, как в городе. Приезжая в свое родное село на севере Чехии, я вижу и чувствую перемены на селе особенно остро. Бедное детство моего поколения не идет в сравнение с жизнью детей сегодня. Я, например, изо дня в день в жару и в холод ходил в школу 5 километров пешком, и так четыре года. Сегодня школьники едут в школу на автобусах.

У нас большая и богатая промышленность, мы обуваем десятки миллионов людей, строим речные суда и самолеты, делаем автомобили и точные станки. Ярмарка в Брно — наша хорошая визитная карточка. Кое в чем мы ушли вперед, если считать производство некоторой продукции на душу населения.

У нас хорошие инженеры, техники и рабочие, на которых можно положиться. Но у нас есть и свои маленькие болезни. Я, например, не знаю, почему в Праге не может быть так же чисто на улицах, как в Москве? Почему наши поезда опаздывают и летом? И почему они не в таком идеальном порядке, в каком находятся поезда советских железных дорог?

У нас превосходная сеть шоссейных дорог, покрытых брусчаткой или асфальтом. Но по ним в результате развития мотоспорта временами почти невозможно проехать. Поздно мы начали решать и эту проблему. Правда, сейчас торжественно открыт первый участок дальней автострады (23 километра). Злые языки назвали ее из-за ее длины «краткой автострадой». Но ведь ни одна дальняя дорога не начиналась без близкой.

Мы коснулись автострад... А через два года мы будем праздновать в Праге событие, которое москвичи отмечали в 30-е годы, когда от Сокольников до центра города была проведена первая линия метро. Строительство метро сопровождается иногда неудобствами, необходимостью объездов, разрытыми улицами. Но что не сделает Прага для метро!

Мы гостеприимны и рады встретить гостя, откуда бы он ни приехал. Ежегодно к нам прибывает 2 миллиона туристов, значительная часть их из Советского Союза, ФРГ, ГДР, Польши, Италии. Мы гордимся курортным обслуживанием, красотами природы, лечебными свойствами двенадцати источников. Но и тут все та же пресловутая ложка дегтя в бочке меда: признаюсь, что мне просто тошно, когда слышу о том, что делает с некоторыми нашими людьми «твердая валюта» в кармане определенных гостей. А вам разве не было бы также тошно?

Может быть, я слишком строг и придирчив. Но я люблю свою родину. И именно потому, что я люблю ее, я не могу не видеть некоторых недостатков, особенно теперь, когда я говорю с друзьями, от которых мне нечего скрывать.

Я должен был бы рассказать вам о том, чего мы достигли за короткий период консолидации с тех пор, когда новое руководство партии во главе с товарищем Густавом Гусаком определило программу, которая вывела партию и общество из кризиса.

Не следует забывать, что новому руководству нашей партии удалось прежде всего очистить партию от случайных людей, от тех, кто вошел в ее ряды для того, чтобы в решительный момент предать ее. КПЧ сейчас насчитывает один миллион 200 тысяч человек, то есть на полмиллиона меньше, чем прежде, и здесь вполне подтвердилась поговорка лучше меньше, да лучше. Партия, сплоченная организационно и идейно вокруг Центрального Комитета, пришла в мае к XIV съезду. На этом съезде усилия партии по консолидации, ее борьбу за идеалы марксизма-ленинизма и пролетарский интернационализм высоко оценили представители международного коммунистического движения. Особенно были приятными для нас слова признания заслуг партии со стороны братской Коммунистической партии Советского Союза.

Новое руководство нашей партии сумело в короткий период осуществить политику, которая покончила с растущей инфляцией и хаосом в экономике, укрепив социалистическую государственную власть и общественные организации. Повысилось доверие к кроне, а в результате этого увеличились вклады в сберегательных кассах, расширился ассортимент товаров на рынке. На заводах снова стали действовать бригады социалистического труда, «забытые» в 1968 году. Все чаще можно прочитать теперь на первых страницах газет о социалистических обязательствах и их выполнении, о новых трудовых рекордах. Труду снова возвращено уважение и честь. Страна вошла в свой обычный ритм.

Положение в стране создало условия для того, чтобы после XIV съезда партии, определившего программу дальнейшего развития социалистического общества, приступить к выборам на всех ступенях представительских органов. В последний раз у нас всеобщие выборы проходили семь лет назад. Теперь наступило время прилива свежей силы в органы народной власти.

Подготовка к предвыборной кампании началась, собственно, сразу же после съезда. Сейчас она в полном разгаре. Избиратели знакомятся с кандидатами Национального фронта. В конце ноября они придут к урнам и скажут свое решающее слово. Это будут выборы необычные, и в одной из передовых статей «Руде право» мы назвали их «боевыми»: ведь речь идет о первых выборах после организационного и политического поражения контрреволюционных сил.

Мы знаем, что наш социалистический путь был предопределен еще в сорок восьмом году. Колесо истории не повернуть вспять. Пожелаем же, чтобы бюллетени на выборах еще раз подтвердили это. Это и будет ответом читательнице из Броумовска. Это и будет гарантией того, что наш общий дом уже никто и никогда не попытается «обойти» или забраться в него.

Иван СКАЛА

У ОЗЕРА В РАЗЛИВЕ

В том краю, где осень стелет листья,
в домике, что на семи ветрах,
был и я.
И, просветленно мысля,
старую косу держал в руках.

Ливень ставил водяные стены,
ветер крышу вздыбить
был готов.
В этот миг казалось мне:
две тени
вновь скользят у низких берегов.

Видел я, как тучи пролетали,
и в трясине стежку — в шаг всего,
и залив,
где к берегу пристали
двое в лодке,
высадив его.

Небеса земле сулили беды,
что кружилась средь миров иных.
Но и явь и новь людской планеты
он в ту ночь держал
в руках своих.

А на зорьке он с косою вышел
и косил в лугах —
за взмахом взмах.
И светило, поднимаясь выше,
отражалось в ленинских глазах.

Перевел с чешского
Олег ЗВЕРЕВ.

Ян КОСТРА

БЮДЖЕТ

Нужны мне четыре глаза.
Я нищ: у меня их два!..
Промчится светлая яхта,
разгладит следы вода.
Нужны мне
твои два глаза!..
Я слишком нескромен, да?

Четыре руки нужны мне
(четыре вместе, не врозь),
чтоб землю держать, обнявши,
пока я меняю ось.
Ты думаешь, я нескромен?
Это я-то нескромен?..
Брось!

Итак:
4 глаза,
4 руки,
а для них
2 (долгих, полных) жизни,
1 любовь
(на двоих).
Бюджет мой, конечно, скромен,
если влезает в стих.

Перевел со словацкого
А. НАУМОВ.

Карел **МИСАРЖ**

РАССКАЗ

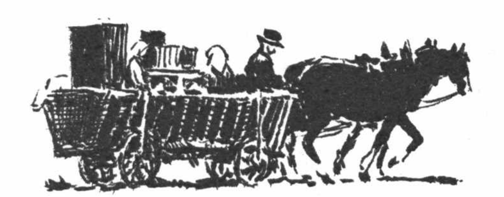
Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

АНКЕТА ВСТУП

«Я РОДИЛСЯ В БЕДНОЙ СЕМЬЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РАБОЧЕГО...»

Мне становится не по себе, когда я думаю о своей малоинтересной и короткой биографии. Несколько параграфов в анкете остались пустыми или мне пришлось их прочеркнуть, например, такие, как участие в движении Сопротивления, государственные награды, работа в общественных организациях, деятельность в период оккупации.

Когда кончилась война, мне только что исполнилось десять лет. Мы жили в Неужиловне, бывшем богатом имении какого-то Неужила. Наше жилье принадлежало государственному хозяйству. Когда-то давно, сейчас уже никто не помнит когда, риги, хлева, амбары были превращены здесь в квартиры. Да и кто об этом может помнить? В государственном хозяйстве было несколько таких поселений для батраков — Неужиловна, Нове быты, Касарна и Овчин. Между ними не было никакой разницы, но батраки завидовали друг другу, а руководство государственного хозяйства держало своих подчиненных в постоянном напряжении, в страхе, что переведут их из Неужиловны в Касарну. Классиков марксизма я тогда не читал, но если бы мне пришлось объяснить выражение, почему пролетарии могут потерять только свои цепи, я тотчас же вспомнил бы свою бабушку, которая была из Касарны и считала Неужиловну прекрасным местом, и мать, которая с усмешкой говорила: «Разве можно придумать что-нибудь еще более худшее? Нас и так восемь человек в двух комнатушках, а где мы живем — здесь, или в Касарне, или в Овчине,— какая разница?» И в то время, пока она думала и говорила именно так, другие переселялись в надежде на что-то лучшее. Телеги, груженные шкафами, горшками, одеялами, громыхали из одного государственного хозяйства в другое.

Если бы при этом не было столько реву, то переезды являлись бы самыми прекрасными страницами моего детства. Так и вспоминается лошадиная сбруя, сидящий впереди на шуршащей соломе кучер, мы, дети, разместившиеся под ножками стола, выделяющееся на швейной машинке романтическое и таинственное слово «Ми-нер-ва», кудахтающие куры и притихшие кролики, протягивающие свои мордочки к обглоданной решетке, через которую мы просовывали им стебельки травы. Колеса скрипели, женщины плакали, дворняжка Пунтя еще с минуту нерешительно оглядывалась, а потом весело бросалась вслед уезжающим в обетованную землю. Я знаю всю процедуру переезда. И не только это, но и похороны. Белые гробики — детей и черные — взрослых. Одетые в белое и в черное участницы церковной процессии. «Солнце золотое, освети дорогу мне», «Сиротка». Знаю я весь бедный репертуар деревенских музыкантов. В десять лет я мог бы быть похоронным церемонийместером.

Сегодня, проходя мимо тех построек, о которых здесь вспоминал, я не удивляюсь, что они почти все пустуют. Они полуразрушены, и вид их ужасающ. Но я еще не могу отделаться от воспоминаний, что в этих черных коридорах, в этих комнатушках с маленькими окнами, смотрящими в темные улочки, рождались маленькие, бледные дети. В Неужиловне жило десять семей, что составляло в целом сорок человек. По две комнатки было только у трех семей. Двор располагался на откосе, вверху которого было пять общественных уборных. Для отбросов существовала одна общая яма, а помои из ведер выливали прямо у порога.

На полях сражений состязались хитроумные военные машины. в библиотеках стояли

тома великих философов, поэтов и прозаиков, а в наши края в течение месяца заходили только четверо нищих да одна безумная старуха, которую всегда преследовали стайка кричащих ребят и собаки. Мальчишки кидали в старушку камнями, она увертывалась и, потрясая кулаком, кричала: «Подожди, сдохнешь, как собака под забором!» —что вызывало только общий смех.

Вероятно, здесь мне следовало бы написать, что именно тогда я понял смысл классовой солидарности, но, к сожалению, я не могу этого сделать. В Неужиловне редко проявлялось сочувствие, а что касается помощи, так это были исключительные случаи. Для повседневной жизни были характерны сплетни и ругань, потому что, говоря словами нашего поэта-классика, «бедность и несчастье поглотили слова любви». Да, как мне были потом близки понятия о бытии, о смене обстановки. За ними я видел свою мать, которая всегда тяжело переживала всякие ссоры: из-за ключей к общественной уборной, из-за мытья полов в коридорах, из-за украденного кролика или отравленного пса. И вот я вижу ее стоящей посреди двора, как она разговаривает со стариком, о котором говорили, что он коммунист (тогда я это слово услышал впервые). Старик всегда громко кашлял и выкрикивал: «А вы еще удивляетесь, удивляетесь? Сломать все это надо, сломать. За вокзалом построить домики для каждой семьи. Вот тогда увидите, увидите!» В то время такие слова казались чем-то чудным и нереальным, а уже через десять лет после войны вокруг вокзала выросла совсем новая деревня.

«КЛАССОВОМУ СОЗНАНИЮ Я УЧИЛСЯ У СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ...»

(Не знаю, как мне по-другому это выразить, но я чувствую, что звучать это должно было бы именно так.) Я не уверен, стоит ли об этом писать в анкете, но человечности меня учила мать. Мне вспоминается, как заботливо украшала она на местном кладбище могилы красноармейцев. При всей своей ненависти к фашистам кормила молоком малолетних немецких сирот. За этот поступок ее впоследствии вызвали в национальный комитет, ее, которая в середине войны не побоялась открыто посмеяться над управляющим-немцем и бросить ему в глаза: «Еще придет день...»—за что тот угрожал ей концентрационным лагерем, а она ему ответила, что там будет немного хуже, чем в Неужиловне. Но в национальном комитете люди оказались более мудрыми, чем вынырнувшие бог весть откуда «патриоты», и мать мою оставили в покое. Отец однажды тоже преподал мне урок, позволив заглянуть в суть вещей. В сорок пятом году его позвали снимать плакаты с немецкими призывами. Он только рукой махнул и сказал: «Кто их туда повесил, тот пусть и снимает».

Это звучит парадоксально, но это было именно так. Мы жили в деревне, но не знали, что такое фрукты. В нашем крае их вообще выращивали мало. Однажды, это было году в сорок третьем, отец по совету врача отправился к местным крестьянам, чтобы купить у них яблок или груш. Но ему никто ничего не продал. Я слышал много жалоб о муках крестьян, вступающих в единые сельскохозяйственные кооперативы. Но для меня такие муки были сущими пустяками.

После того случая с отцом я перестал быть сентиментальным и сохранил это чувство до сегодняшнего дня. Только мать ходила помогать ненавистной и презренной старухе, вдове самого богатого крестьянина, когда та осталась одна, хромая и больная.

«РОДСТВЕННИКОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ НЕ ИМЕЮ...»

Именно так я должен коротко написать, хотя данный параграф сыграл в моей жизни большую роль. Где-то в тысяча девятьсот двадцать пятом году у нас была стачка сельскохозяйственных рабочих. Одним из организаторов ее была моя тетя со стороны отца. Стачка закончилась полным поражением. Не были повышены ни натуральная оплата работы батраков, ни заработная плата, не осуществились мечты тех великих романтиков, которые уже видели себя переселившимися в квартиры служащих государственного хозяйства. Жизнь вернулась в свою колею. Только тетю с дядей на время выпустили из тюрьмы. Говорили, что моя тетка бросила в жандарма свеклой. Правда, он якобы был не злым человеком, поэтому ей советовали извиниться... Но нужно было видеть фотографию тети того времени: пышные, черные, как смоль, волосы, красивая фигура, сияющие глаза. Она, известная во всем крае красавица, романтический фанатик рабочего движения, человек, в семье которого останавливался Антонин Запотоцкий... Она—и вдруг пойдет просить какого-то жандарма? Тетя забрала с собой безответного дядю, двоих детей и уехала во Францию. Конечно, никаких пролетарских цепей она там не потеряла. Семью ей пришлось содержать самой, потому что дядя тяжело заболел. Но она не изменилась, что было ясно из писем и открыток, которые позволили мне уже в те годы познакомиться с картой Франции. Семья переезжала с одного места на другое. Только письма и открытки становились все более грустными. Тетя писала их как бы одним дыханием. Случалось, что она забывала о знаках препинания и в одном предложении сообщала о всех поцелуях и приветах родителям вместе с извинениями, что их, старенькх, она ни с того ни с сего покинула, и тут же сообщала, что соседка умерла, а дядя еще не поправился.

Много я слышал о бессмысленности войн, но самым ярким примером абсурдности войны считаю то, что произошло с тетиным сыном, моим двоюродным братом. Восемнадцатилетний чех пошел во французскую армию и был взят в плен. После того, как узнали, что он чех, его отправили в концлагерь, где он и умер. Погиб ни за что ни про что, ничего не понимая, исчез, как будто бы и не появлялся на свет.

В день похорон дедушки в сорок пятом году тетя с дядей вернулись на освобожденную родину. Бабушка умерла год назад. Два преждевременно состарившихся человека вернулись из мытарств по свету и поехали осваивать Пограничье. Как сейчас, вижу их в коммунистической первомайской колонне: полная, седовласая женщина в белой кофточке с красной косынкой и рядом сухощавый старичок в черном костюме и черной шляпе, какие носили анархисты.

«ПОСЛЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ Я ОКОНЧИЛ ГИМНАЗИЮ И ЗАТЕМ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ...»

Насколько это узкий и слабый параграф для вступающего в ряды коммунистической партии. Спрашиваю сам себя, не лучше ли было бы написать, что своих учителей, всех без исключения, я искренне ненавидел. А какие достойные это были люди! Я учился очень хорошо, и почти никаких недоразумений у меня в школе не было. Еще будучи ребенком, я был убежден, что назидательные рассказы о бедном мальчике, который чего-то достиг, относятся к прошлому веку. Но это было заблуждением. С первого класса меня хвалили одними и теми же словами. Я их и сегодня могу с точностью повторить: «Будь всегда таким прилежным, тогда и родители твои будут рады и сам чего-нибудь добьешься в жизни». Это говорилось в мой адрес. А в адрес класса так: «Посмотрите, кто из вас живет в такой тесноте, как он, а у него всегда уроки готовы». За все время мама только один раз была в школе, и то произошло это следующим образом. Я вернулся из школы и сказал, что меня будут фотографировать как лучшего ученика и вместе со мной Зденека Новотных как худшего. У Зденека не было отца, а мать была известна всей деревне как женщина легкомысленная и пьющая. Братьев и сестер у него было столько, что даже я их путал. «Ну и хам!»—бросила мама в адрес учителя, пошла в школу, и в коридоре деревенской трехлетки эта женщина без педагогического образования прочитала такую лекцию пану учителю о педагогике (о существовании которой она и понятия не имела), что от фотографирования пришлось отказаться.

А еще я вспоминаю о книге, которую мне дала почитать одна пани учительница в четвертом классе. Героем ее был маленький усердный мальчик из бедной семьи, который своим прилежанием, примерным поведением и уважением к начальству сумел дотянуть до инженера. Эта книга мне показалась настолько омерзительной, что при воспоминании о ней появлялось ощущение, как будто бы я смотрел на крысу или на дохлого кролика.

Не знаю, стоит ли об этом упоминать, что я целый год ходил в общество «Сокол» и что там пережил самую мучительную страницу моего детства. Мы готовились к общественному выступлению, а Зденек Новотных, о котором я уже упоминал выше, никак не мог уловить ритма движений. Начальник на него накричал и выгнал из общества. Зденек заплакал и ушел. Тогда я, ко всеобщему удивлению, бросился за ним. С того момента ни он, ни я больше не посещали общество.

О разделении общества на классы и его значении я узнал, когда мне было четырнадцать лет. Это было уже после февральских событий 1948 года, и тетя, о которой я писал выше, снова была похожа на ту, когда у нее были черные волосы и горящие черные глаза. Хотя я, четырнадцатилетний мальчишка, в ту пору еще не разбирался в проблеме классовой борьбы, но жизнь столкнула меня с этим понятием. Тот случай, о котором расскажу, кажется сейчас малозначительным, но в то время он привел меня в недоумение. В первом

АЮЩЕГО В КОМПАРТИЮ

классе гимназии все у нас писали вечными ручками. У меня ее не было. Теперь уже не помню, почему. Может быть, потерял или не хотелось просить денег у родителей. Я сидел с одним мальчиком, родители которого вели большую бакалейную торговлю в нашем городе. У него было две ручки. Он предложил взять одну из них, но при условии, что за неделю пользования я заплачу одну крону. Я не знал, оскорбление это для меня или нет. Просто не понимал этого. Когда у меня было что-нибудь, то казалось естественным поделиться с кем-нибудь без каких-либо условий. Конечно, это была глупость, но до сих пор не выходит из головы та предприимчивость, которая была заложена в сознании мальца. Вообще первые годы гимназии вспоминаются как тяжелый сон. Время от времени я попадал в дома своих богатых однокашников. И там с удивлением вглядывался в прекрасные картины на стенах, во всевозможные украшения, знакомился с корректными родителями, встречал красиво одетых людей.

В классе мы тоже делились на тогдашние политические партии. Признаюсь, что я не заявлял о своей принадлежности ни к одной из них. Поэтому даже не знаю, как получилось, что в один прекрасный день меня, двенадцатилетнего паренька, причислили к коммунистам. Я не сопротивлялся, а потом день ото дня осознавал, что класс не ошибся в своем определении. Действительно, с теми, которые составляли блок национал-социалистов, клерикалов и социал-демократов, у меня ничего не было общего.

«В СОЮЗ МОЛОДЕЖИ Я ВСТУПИЛ В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ...»

И мне здесь очень нравилось. Но об этом даже не стоит говорить. Вообще вся моя жизнь, начиная с пятнадцати лет, была более светлой. Правда, я не уверен, что это зависело только от возраста. Мне было очень приятно, что благодаря новому строю исчезли социальные перегородки, а если они где-то еще и оставались, то было заметно стремление устранить их. Мы ездили по призыву комсомола на фабрики и в деревню. Я был счастлив. Наши уже покинули Неужиловну и строили себе домик у вокзала. Я считал, что ничто уже не может меня удивить. Но это оказалось ошибкой.

«ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ УЧЕБЫ Я РЕШИЛ ПОЕХАТЬ В ПОГРАНИЧЬЕ...»

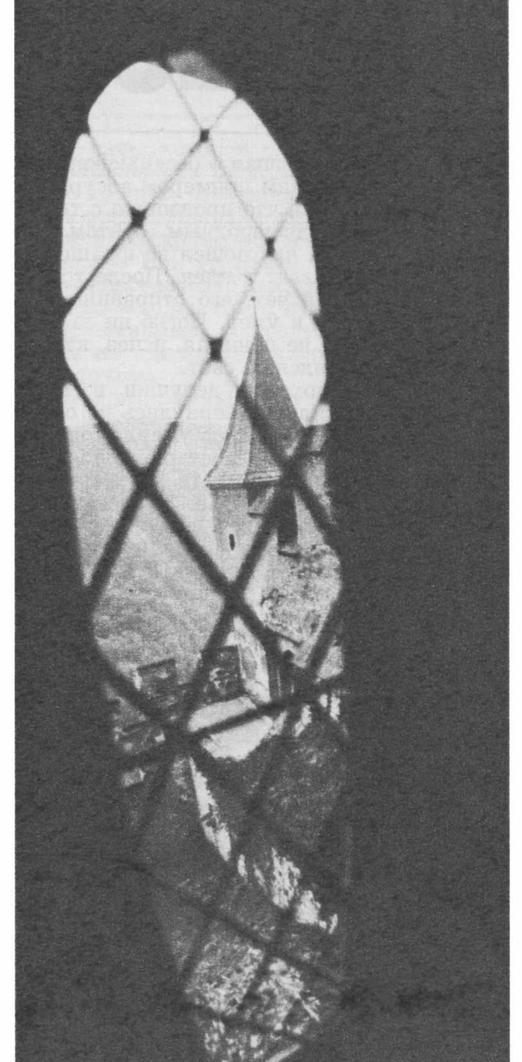
Такого параграфа в анкете нет, и я сожалею, что он выпущен из биографии. Но когда у нас началось распределение, то я стал свидетелем такой борьбы, что кровь застывала в жилах и свет мерк в глазах. Студенты скоропалительно женились и выходили замуж (какая уж там любовь!), девушки беременели, достойные уважения активисты выставляли свои требования, возражали против работы в школе, запугивали своим слабым здоровьем. Так получилось, что самые рьяные крикуны из Союза молодежи остались в городе или где-то недалеко от него, те, которым все же пришлось уехать, в течение года вернулись в город и устроились работать не по профессии. Со всего курса только мы трое добровольно согласились поехать на работу в Пограничье.

Мне двадцать один год, ничего героического я не совершил, поэтому не знаю, буду принят в партию или нет. Но я знаю, чего я хочу, а хочу я, чтобы маленькие дети рождались в домах с большими окнами, чтобы молодые люди не исчезали из жизни, подобно моему двоюродному брату, и чтобы не было таких трущоб, как Неужиловна, Касарна, Овчин и другие. За это я хочу бороться в рядах Коммунистической партии Чехословакии.

Перевела с чешского **Т. МИРОНОВА.**

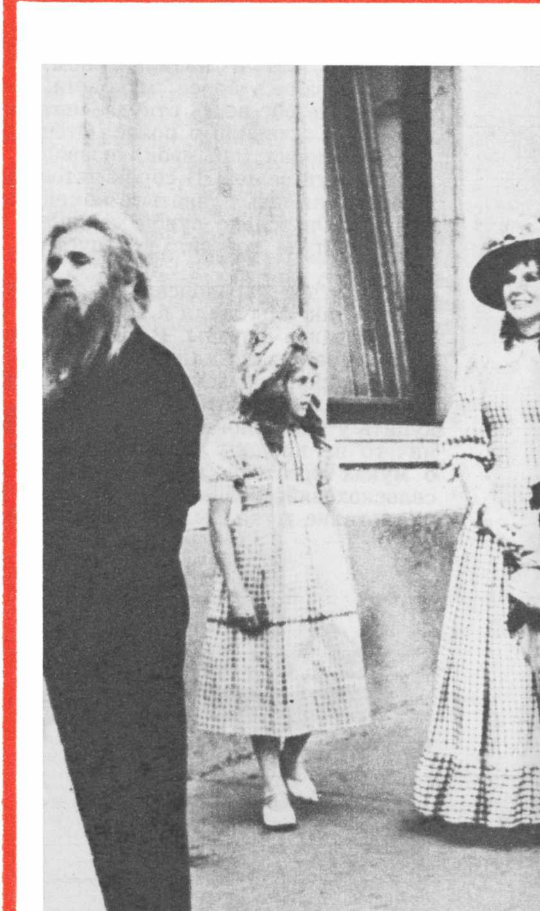

Дочь тракториста Ева Томашкова.

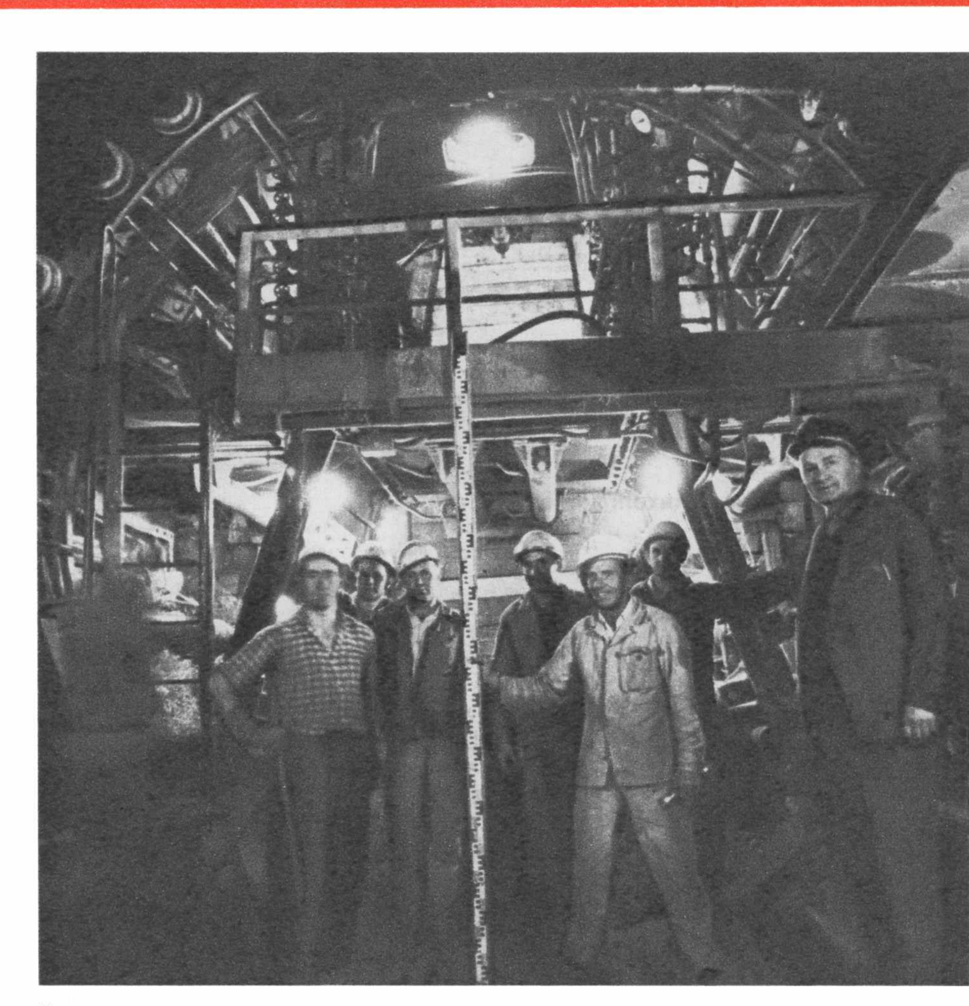

Старый-старый замок.

ПРОС

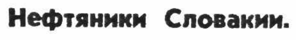

Бригада проходчиков пражского метро.

ТО ЖИЗНЬ

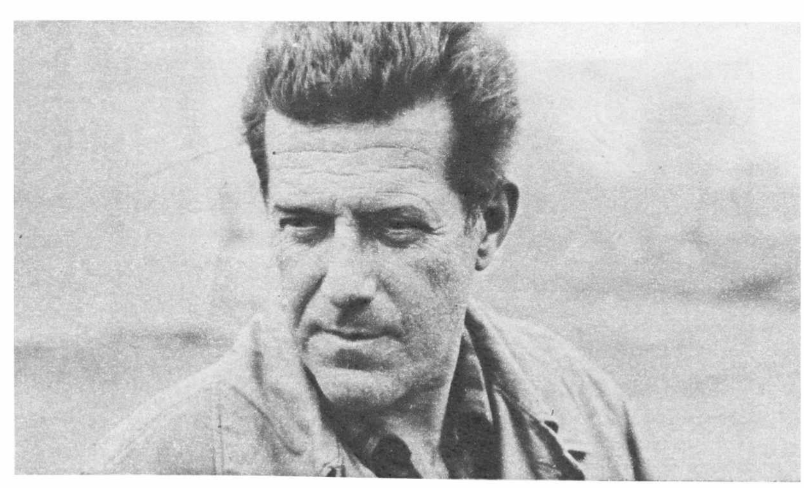

Нефтяники Словакии.

В Братиславе снимается фильм по повести Гоголя «Портрет».

Иржи Михал.

ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО

Рассказывает Иржи МИХАЛ, председатель сельскохозяйственного кооператива «Дружба», деревни Сухдол, район Кутна Гора

— Прошлой осенью послали мы нашего лучшего комбайнера Иржи Чепека в Пушкинский район Московской области. Почему именно туда? Районы наши уже не первый год связаны тесной дружбой. Вернулся он с массой впечатлений — побывал в Москве и в Киеве, посетил колхозы, сельскохозяйственные предприятия, ездил в метро, «болел» на стадионе в Лужниках. Но, кроме впечатлений, привез он и одну идею — увидел у пушкинцев звероферму и подумал: а почему бы и нам не завести соболей да норок? Кормить есть чем — птицы у нас много, отходы мяса, отбракованные яйца,— выгодное будет хозяйство. Сейчас мы это предложение обдумываем, подсчитываем все «за» и «против», и по всему выходит — ферму такую заводить надо.

Хозяйственный парень этот Чепек. Жаль, что вам не удастся с ним поговорить: он и Карел Мысливец сейчас в ГДР,— их премировали этой поездкой как лучших комбайнеров Пражской области. Чепек интересен не только тем, что на комбайне работать умеет, но и умением работать с людьми. Он в своей деревне член бюро местной организации КПЧ, хотя человек еще совсем молодой — двадцать четыре года! Нужно сказать, что молодежь у нас в кооперативе работает охотно.

Мы уже давно думали, как привлечь подрастающее поколение к сельскому хозяйству. Начали издалека. Купили нашим школьникам фрезерный станок, выделили сад, где у них было собственное хозяйство. Кроме этого, устроили спортивные площадки, клуб есть при школе, кружки организовали разные. А молодоженам даем квартиры в домах городского типа, которые мы строим на средства кооператива. Плата за жилую площадь — девяносто крон в месяц. Для ориентировки скажу, что тракторист у нас получает около двух с половиной тысяч крон, а доярка — две двести. Кто хочет строить свой дом — пожалуйста! Получай от кооператива и государства сорок тысяч в рассрочку на десять лет. И если все эти десять лет работаешь в сельском хозяйстве, то деньги возвращать не нужно. Кроме того, в помощь еще выделяем строительную бригаду, обеспечиваем подвоз материала, механизацию работы... А пойдут детишки — вот вам детский сад. Каждое утро микроавтобус объезжает все пять деревень, входящие в кооператив, собирает малышей в садик, а вечером развозит их по домам. Садик этот разместился в бывшем кулацком доме, просторном и удобном. И открыли его по просьбе молодых родителей, но не потому, что не на кого детей оставлять: дедушек и бабушек хватает, пенсионеров у нас много — из 405 членов кооператива работоспособных 260. Но молодых пап и мам тревожило то, что со стариками детишки уж очень озорничают. Собрали их в садик — они привыкли к коллективу. Старшие тут учатся помогать маленьким. Подобрали хороших воспитательниц и теперь спокойны — дети наши пойдут в школу хорошо подготовленными. Но главное, чем мы привлекаем молодежь,— все же остается механизация всех процессов, культура труда. У нас как на производстве — две смены по семь часов.

Говорите, богато живем? Так ведь богатство нам недаром досталось.

Кооператив наш организовался в 1960 году из пяти маломощных хозяйств с разным уровнем развития экономики. Механизации почти не было — два трактора да сто двадцать лошадей. Последних осталось теперь только семь, зато тракторов стало сорок четыре, да пять комбайнов, столько же грузовиков и две машины малой грузоподъемности. Годовой доход — 22 миллиона крон. Приусадебных участков у нас нет, как нет и натуральной оплаты. Вместо этого твердый месячный заработок, от выработки, конечно. Можно держать кроликов, кур и прочую мелкую живность, но молодежь этого уже не хочет. Кто отработал положенное количество трудодней, в конце года получает бесплатно семь центнеров зерна, двенадцать — картофеля, пять — кормовой свеклы. Да только молодые семьи, живущие в квартирах, от этого отказываются и берут под рождество целую свинью, наделают сосисок из потрохов, и начинается веселый праздник.

Один из наших фондов — резервный, на случай плохого урожая.

Если человек хорошо подготовил почву, вовремя посеял, а природа ему свинью подложила — на этот раз не рождественскую,— то винить тут некого, и работа все равно оплачивается. Социальное обеспечение у нас такое же, как и в промышленности,— и отпуска, и помощь при болезни, ну и, само собой разумеется, пенсии.

Основное направление нашего хозяйства зерновое. Средний урожай — сорок семь центнеров с гектара. Но очень хорошие урожаи дают у нас сорта пшеницы, выведенные в Советском Союзе. Уже несколько лет сеем мы «мироновскую», и дает она около пятидесяти центнеров. На будущий год начнем пробовать «кавказ», все для этого подготовлено. А затем и «юбилейную» — возможно, что еще в этом году получим семена.

Тесно сотрудничаем мы и с наукой — испытываем в широком масштабе новые сорта зерновых культур, над которыми работает наш научно-исследовательский институт растениеводства и комплексной интенсификации технического развития в сельском хозяйстве. Не менее успешно идет совместная работа и с НИИ животноводства. Животноводство — наша вторая по значению отрасль хозяйства. И тут успехи неплохие. На гектар производим сейчас 1 100 литров молока и 300 килограммов мяса. Вы вот обратили внимание на пластмассовые бирки, прикрепленные к уху каждой коровы,— там записана вся ее родословная. Мы выводим новые породы молочного скота и мясных свиней, но коротко об этом не расскажешь.

И все это богатство создано за каких-то десять лет!

За рубежом антикоммунистическая пропаганда из кожи вон лезет, чтобы очернить наши успехи. Изо дня в день трубит она во все трубы о том, что все, что сделано в социалистическом обществе, очень плохое. Да пример только одного нашего кооператива уже доказывает преимущества социализма! А ведь то, что вы видели у нас, только часть общего богатства,— наш кооператив входит в районную межкооперативную организацию, которая построила, например, птицеферму на 150 тысяч кур — теперь нам свою птицу держать ни к чему. Строится общая откормочная свиноферма на 10—12 тысяч голов. Сообща ведутся мелиоративные работы, проектирование сельскохозяйственных построек. И это тоже только начало — в ближайшие годы в нашем районе будет создан на этой основе могучий аграрно-промышленный комплекс. Приезжайте через несколько лет — увидите, что это такое!

Животноводы Ярослав Гампл, Вера Цирусова и Мария Янглова втроем обслуживают четыре сотни коров.

Вилем ЗАВАДА

БЕЗЫМЯННЫЕ

Имя мне не делали афиши,
не гремело и с эстрад оно.
И не снобом на́ люди я вышел,
в чем одет я,
тоже все равно,
все равно, как тем,
кто жнет и строит,
кто всегда был созидать готов
и гробницы для царей порою
и соборы для скупых богов.

И они в сраженьях —
как при деле —
храбрости являли чудеса.
А врагов своих ломать умели
так,
что содрогались небеса.
Возвратясь домой в рубцах и шрамах,
вновь они в каменоломни шли,
чтобы возводить
дома и храмы,
стертые войной
с лица земли.

Но никто в их честь
скульптур не ставил,
в бронзе их
никто не отливал.
Лишь трудом себя любой прославил,
лишь трудом себя он воспевал.

Памятники их бессмертной доле —
крови жар на гранях баррикад,
белые дворцы в зеленом поле,
нивы, что возделаны, как сад...

Имя мне не делали афиши,
не гремело и с эстрад оно.
И не снобом на́ люди я вышел,
в чем одет я,
тоже все равно.
Но я горд!
Я в стане постоянных,
взгляд мой просветленный наделен
силой сотен тысяч безымянных,
славой сотен тысяч их имен.

Перевел с чешского
Олег ЗВЕРЕВ.

НОВЫЙ КВАРТАЛ

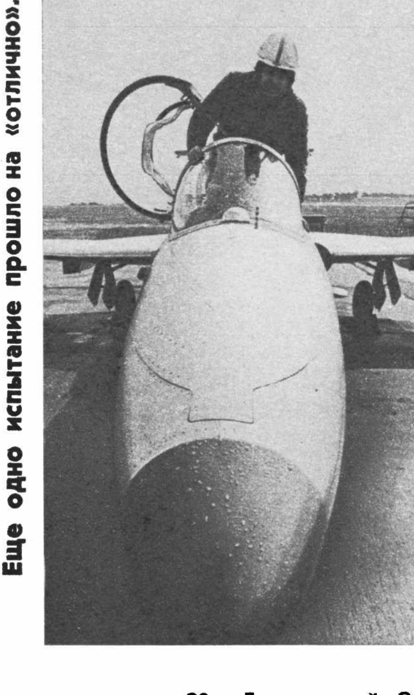
Тебе сразу бы — по асфальту,
ты не любишь разрытых улиц,
где стоит еще кран, сутулясь,
над полотнищем глины смятой.

Я же вижу машины кузов,
и приплясывающие вещи,
и шагающих следом женщин
в одеяньях домашних, кургузых.

Так и светятся очи светом,
словно окна новой квартиры.
И для них останется это
воплощенной счастья картиной.

Перевел Александр НАУМОВ.

НА ЗЕМЛЕ И НАД ЗЕМЛЕЙ

Еще одно испытание прошло на «отлично».

Иван МАНН

Пилот-испытатель Властимил Давид уже многие годы садится в кабину, чтобы вывести в первый полет новые самолеты. Высоко за облаками и в облаках он ищет ответы на вопросы конструкторов, давая им заодно новые темы для размышлений.

Современные реактивные самолеты индивидуальны и в серийном производстве. Каждый из них нужно тщательно проверить, прежде чем он пойдет в эксплуатацию. Конструкторы, например, требуют, чтобы пилот испытал машину в падении. Летчик поднимается на несколько тысяч метров, выключает мотор и складывает руки на коленях. Машина устремляется вниз, увлекаемая силой земного притяжения. А в тонкой металлической скорлупе сидит человек, который спустя несколько секунд должен подчинить себе машину.

Мальчишкой он не мечтал о небе. Мечты мальчишки из моравской деревни были земными. В отцовской плотницкой мастерской он научился работать. Но был у него товарищ, который мечтал о небе и говорил только о самолетах.

Сразу же после войны приятель Властимила подал два заявления в летное училище — одно за себя, другое за друга. Из ста претендентов проходил едва ли один. Властимила приняли.

Первый испытательный полет был в 1955 году. Все шло как будто нормально. Потом Властимил обнаружил, что отказал радиокомпас. Огляделся, поискал какой-нибудь ориентир, чтобы вернуться на базу, и в этот момент отказала подача топлива. Оставалось только катапультироваться. Он открыл кабину, но катапульта тоже не работала. В эту минуту смерть была совсем рядом. Ему все же удалось выбраться из самолета и приземлиться с парашютом...

Пространство на север от Праги, в котором он ежедневно летает,— его дом. В декабре 1968 года Властимил Давид стал депутатом Чешского Национального Совета. Ни у кого не было сомнения, на чьей стороне этот человек. Были голоса и против, именно потому, что было ясно, на чьей стороне Властимил Давид: ведь он не скрывал своих взглядов. Ему всегда был чужд тон недружелюбного отношения к ценностям, из которых складывалась вся его жизнь,— это слишком напоминало ему знакомый фальшивый тон опасного дефекта в двигателе самолета.

Двадцать лет работает Властимил Давид на авиазаводе, несколько раз избирался секретарем партийной организации предприятия, возглавлял партийную организацию в деревне, а сейчас он член комитета медицинского и социального обеспечения Чешского Национального Совета.

Мы сидим в комнате пилотов, под самой крышей высокой башни. Внизу — ангары, бетон и три новых серебристых «Дельфина», прославленные «29». День летный. За оконным стеклом, как в огромном аквариуме, проплывают изящные реактивные машины. Но разговор нас уносит в здание Чешского Национального Совета в Праге, где весной проходило заседание комитета медицинского и социального обеспечения, на котором разрабатывались конкретные предложения XIV съезду КПЧ.

— У нас в комитете разбирался вопрос о подростках. В этом году поступило на работу, в училища и школы на шесть тысяч молодых людей меньше. Такие цифры настораживают. Почему? Ответ нужно найти немедленно. И, конечно, принять решения, которые были бы перспективны...

Я слушаю летчика-испытателя и удивляюсь тому, с какой убежденностью и аргументацией говорит Властимил Давид о вещах, столь далеких от его профессии.

Спрашиваю, как он готовится к заседаниям комитета, и он с улыбкой отвечает:

— Подготовка к заседаниям так же сложна, как подготовка к полетам. Нужно изучать большое количество материалов, консультироваться со специалистами, а главное, я должен быть постоянно связан с людьми. Знать их заботы, проблемы, прислушиваться к их пожеланиям с таким же вниманием и заботой, как прислушивался бы к звуку мотора. В этом работа пилота и депутата очень схожа. Связь с людьми — моя связь с землей.

Оранжевый «газик» везет нас по улочкам завода к аэродрому. Ветер, бетон, трава и серебро самолета. И еще маленький деревянный домик для пилотов и механиков. Королевство романтики для мечтателя и рабочее место для пилота.

Отсюда уходил пилот Властимил Давид в небо. Тут на бетонной площадке, а потом в глубоком воздушном море летчик-испытатель проверяет работу конструкторов и рабочих.

И прежде чем он наденет комбинезон, шлем и подключит кислород, прежде чем закроет над собой фонарь, он должен проверить запас человеческой прочности. Ее нельзя надеть, как рукавицы. Ее можно иметь в себе, как свойство характера.

...Пилот снова ушел в небо. Он и сам уже не знает, в который, собственно, раз. Только часы подсчитаны — 4 тысячи рейсов на реактивных самолетах. А это значит, что отработал на 5 машинах до полного их износа. Однажды Властимил стартовал 110 раз подряд. Не для рекорда. А потому, что это было нужно, это его работа.

— Иногда, когда вдруг рассеются облака, я вижу землю,— говорит Властимил.— Вижу города и поля, новостройки. За годы, которые я летаю над землей, ее лицо изменилось. Оно прекрасно. С высоты это легко увидеть.

ПРАВДА ПОБЕЖДАЕТ

Так называется книга, выпущенная недавно Издательством политической литературы. Материалы, включенные в книгу, помогают понять корни и сущность кризисных событий в Чехословакии 1968—1969 годов. Особый интерес представляют выступления и интервью видных партийных и государственных деятелей — тт. Г. Гусака, Л. Свободы, В. Биляка, А. Индры, О. Швестки, Д. Кольдера и других. Приведенные в книге факты разоблачают истинное лицо тех, кто организовывал атаку на социалистический строй в Чехословакии, рассказывают о причинах, по которым А. Дубчек, О. Черник и другие были исключены из рядов КПЧ.

В новых материалах, публикуемых на страницах чехословацких газет и журналов, приводятся многие свидетельства закулисной деятельности враждебных социализму сил. Осмысливание этих фактов дает ключ к пониманию истоков недавних событий.

Как известно, контрреволюционные элементы в период кризисных событий делали особый упор на ликвидацию руководящей роли партии в экономике, на отказ от принципов планового управления народным хозяйством и на ревизионистское толкование экономической реформы. Подрывная деятельность враждебных сил проявлялась также в искажении, игнорировании, а впоследствии в открытом отрицании основных принципов марксистско-ленинского мировоззрения в философии, социологии, истории, экономике, в области партийного строительства, государства и права, а также в области искусства и культуры, где повсюду наблюдалась открытая капитуляция перед буржуазной идеологией. Что касается вопросов внешней политики, то и здесь действия правых ставили под угрозу безопасность ЧССР, ее суверенитет и мирный труд.

Уроки чехословацких событий подтверждают правильность выводов международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года в Москве о том, что «становление социалистического мира — составная часть классовых битв на мировой арене. Враги социализма не оставляют попыток подорвать основы социалистической государственной власти, сорвать дело социалистического преобразования общества и восстановить свое господство. Решительный отпор таким попыткам — необходимая функция социалистического государства, опирающегося на широкие народные массы, руководимые рабочим классом и его коммунистическим авангардом».

Коммунистическая партия Чехословакии, очистившись от правых элементов, укрепляет свои ряды на основе ленинских норм и принципов внутрипартийной жизни, ведет борьбу за дальнейшее развитие социализма в стране, за укрепление всестороннего сотрудничества с КПСС.

Да, правда в Чехословакии побеждает. В этом проявление духа времени, проявление руководящей роли Коммунистической партии. В конце мая 1971 года состоялся XIV съезд КПЧ. Это важное событие, которое воодушевляет и направляет чехословацкий народ на новые свершения во всех областях. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на XIV съезде КПЧ, сказал, что этот съезд «по праву можно назвать съездом победы над врагами социализма в ЧССР, съездом торжества социализма».

Многие материалы, публикуемые в книге «Правда побеждает», переведены на русский язык впервые. Книга, содержащая факты и только факты, представляет интерес для самых широких кругов читателей.

Н. ПАСТУХОВ

Андрей ПЛАВКА

ДО́МА

После долгой дороги, долгой,
полный запахов многих стран,
я потрогаю стену дома,
где впервые на ноги встал.

В синеве увижу опять я:
солнце катится колесом.
Как распахнутые объятья,
мне откроется горизонт.

Ради мест и обличий странных
покидавший свою страну,
я домой возвратился, странник,
словно слово в свою строку.
Вновь я дома, мои родные,
на земле, где почила мать.
Я вернулся и столько ныне
вам сумею порассказать!
О народах дивных обличий,
заселивших другие места...

Только там, где иной обычай,
та же в сердце
живет мечта.
Та же жажда, не умирая,
полнит души людей простых
в снежном холоде Гималаев,
в африканской жаре пустынь.
И похожие песни кружат
над землею
за тыщи миль:
хоть бы заново
бойни ужас
не решился заполнить мир!
Юг и запад, восток и север
в землю,
данную людям в рост,
пусть не семя раздоров сеют,
а пшеницу,
и рис,
и рожь...
Чтобы вновь не просил участья
мир, ступающий по костям,
чтоб не рвалось на части
счастье,
кем-то скопленное по горстям,
чтоб из сини,
родной,
бездонной,
лился радостный свет дневной,
чтобы странник, тоской ведомый,
мог вернуться
к себе домой...

НА ДУКЛЕ

Как тихо на Дукле... В буках
лишь ветер шумит листвой.
И лес над могилой — будто
памятник золотой.

А ветер не с поля брани —
вестник побед и слав:
павших солдат дыханье
к нам земля донесла.

Не свищут над Дуклой пули,
осенняя тишина.
Мечта, за которую пали,
в дыханье бойцов жива.

Свобода,
скажи, не тут ли
начало твоих дорог,
скажи, не здесь ли, на Дукле,
ты отчий нашла порог?

Не здесь ли тебе открыли
высокий полета дар
и дал тебе кровь и крылья
с советской звездой солдат?..

Как тихо на Дукле! Наземь
неслышно летит листва.
Но та громовая осень
в дыханье бойцов жива.

И, полон суровой силой,
бессмертною силой той,
октябрь стоит над могилой,
как памятник золотой.

Перевел со словацкого
А. НАУМОВ.

МЕДАЛИ И КОНТРАКТЫ

Ян АНТОН

«Мотоков» — так называется чехословацкое внешнеторговое объединение, занимающееся экспортом и импортом автомобилей, мотоциклов, тракторов, пневматических шин, запасных частей...

В нынешнем году эта фирма участвовала более чем в семидесяти международных выставках, ярмарках, автосалонах. На них демонстрировались машины марок «Шкода», «Татра», «Прага», мотоциклы «Ява» и «ЧЗ», тракторы «Зетор». Многие экспонаты получили высокую оценку, так, например, грузовые машины «Татра», моделей 813 6×6, и 148 S3 награждены золотыми медалями на ярмарках в Лейпциге и Брно, а в Пловдиве такой же награды удостоен мотоцикл «ЧЗ-400».

Участие в международных ярмарках принесло коммерческий успех — только в Брно объединение «Мотоков» заключило контрактов на экспорт и импорт на общую сумму 5,7 миллиарда крон!

Особого внимания заслуживают соглашения с Советским Союзом, по которым Чехословакия поставит в СССР пятьдесят тысяч мотоциклов, девятьсот пятьдесят авторефрижераторов, восемь тысяч прицепных колясок к мотоциклам и другое оборудование.

На улицах Праги.

Дунай у Братиславы.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Воскресный день в городке Локет.

Будни обсерватории Ондржеев.

Строитель пражского метро Андрей Сирка.

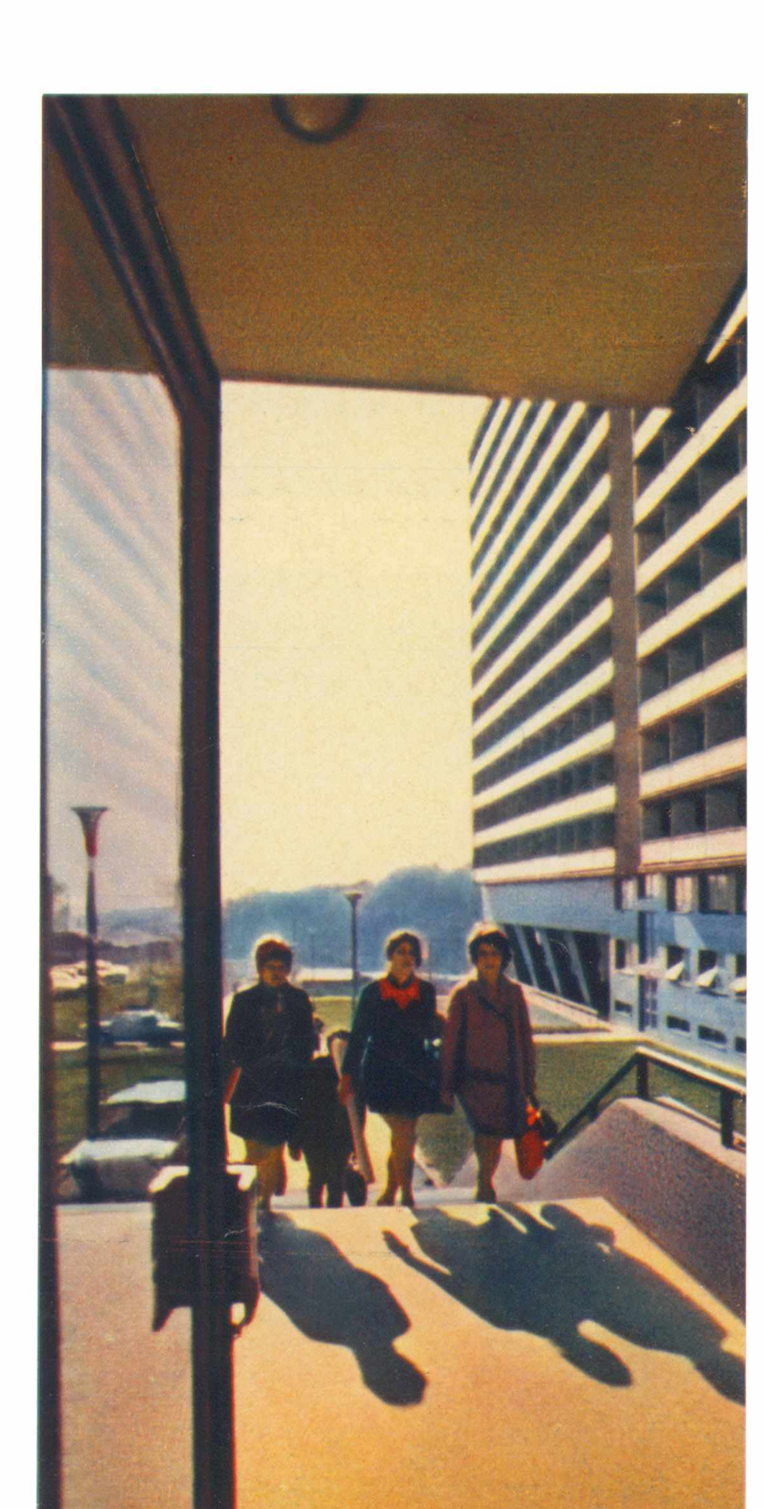

40
50
60
70
80
90
14
13
12
11

PODWODNE

ТЫСЯЧА «ШМЕЛЕЙ»

Иржи ПЛШЕК

В прошлом году во Владиславском зале Пражского Града был подписан новый договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР. В одной из его статей говорится: «Высокие Договаривающиеся Стороны будут и в дальнейшем, исходя из принципов дружеской взаимопомощи и международного социалистического разделения труда, развивать и углублять взаимовыгодное двустороннее и многостороннее экономическое и научно-техническое сотрудничество с целью развития народного хозяйства, достижения наиболее высокого научно-технического уровня, эффективности общественного производства и повышения материального благосостояния трудящихся своих стран».

Сто лет назад — летом 1871 года — десять мастеров начали работать над моделями машин в маленькой мастерской, которую можно только с большой натяжкой назвать цехом. Теперь этот цех превратился в специализированную фирму ЧКД ПРАГА с 20 заводами. Сегодня здесь производятся в основном тепловозы, трамвайные вагоны, компрессоры и промышленные холодильники, электротехника высокого напряжения, дизельные двигатели для кораблей, подъемные краны и оборудование для обработки полезных ископаемых.

28 апреля 1900 года на одном из пражских заводов ЧКД, ЛОКОМОТИВКА-СОКОЛОВО, сдали в эксплуатацию первый в Чехии паровоз. Ныне здесь строятся тепловозы, большую часть которых закупает Советский Союз. 23 апреля 1971 года в торжественной обстановке советским представителям был передан тысячный локомотив типа СМЕ-3, который здесь на заводе ласково называют «шмель». Эта машина, предназначенная для маневровых работ, оборудована устройством, позволяющим вести поезд двумя спаренными локомотивами, управляемыми с одного пульта. Ежегодно здесь производится и экспортируется в СССР более двухсот «шмелей». Но на тысяче серия не кончается — уже заключен договор поставок на 1972 год, готовятся договоры и на последующие годы. Для нас это не просто выгодная торговля, но и твердая уверенность завода, людей, работающих здесь, в завтрашнем дне.

Наши тяжелые локомотивы типа СМЕ-3 хорошо зарекомендовали себя. Мы решили узнать, что о них говорят советские железнодорожники. Позвонили в Москву. К телефону подошел инструктор машинистов депо Люблино Московской железной дороги Сергей Сергеевич Шалаев. Вот что он нам ответил:

— Маневренный локомотив СМЕ-3 нам очень нравится. Он позволяет легко манипулировать тяжелыми грузовыми поездами. У нас даже трудности появились в связи с этим: машинисты, которые поработали на машине СМЕ-3 в маневренной службе, уже не желают работать на других локомотивах. На СМЕ-3 отличное рабочее место. Машинист, отработав смену, совершенно не чувствует себя усталым, потому что он прекрасно защищен и от грохота и от тряски.

Машинистам нравится также и внешний вид этой машины. Посмотрели бы вы, с каким старанием они поддерживают на ней чистоту и порядок. Доставляет удовольствие и обслуживание, удобный доступ к отдельным агрегатам, локомотивным узлам. Хвалят машинисты и простоту электрической схемы. Все это повышает надежность локомотива, что очень важно на транспорте. В заключение мы хотели бы поблагодарить всех, кто участвует в производстве этих машин, за их отличную работу, пожелать им больших успехов и заверить от имени всех наших машинистов, что для ваших локомотивов у нас зеленая улица...

А вот что сказал генеральный директор ЧКД ПРАГА инженер Рудольф Рыхецкий:

— ЧКД ПРАГА — одно из известнейших экспортных предприятий. Можно сказать, по-настоящему экспортное, потому что приблизительно 53 процента всей продукции идет за рубеж. Самым крупным нашим партнером является СССР, который покупает у нас 30 процентов общего экспорта.

Бурное развитие торговли с Советским Союзом началось сразу же после освобождения Чехословакии — в 1945 году, после национализации нашей промышленности.

Сегодня мы экспортируем в Советский Союз почти все виды нашей основной продукции.

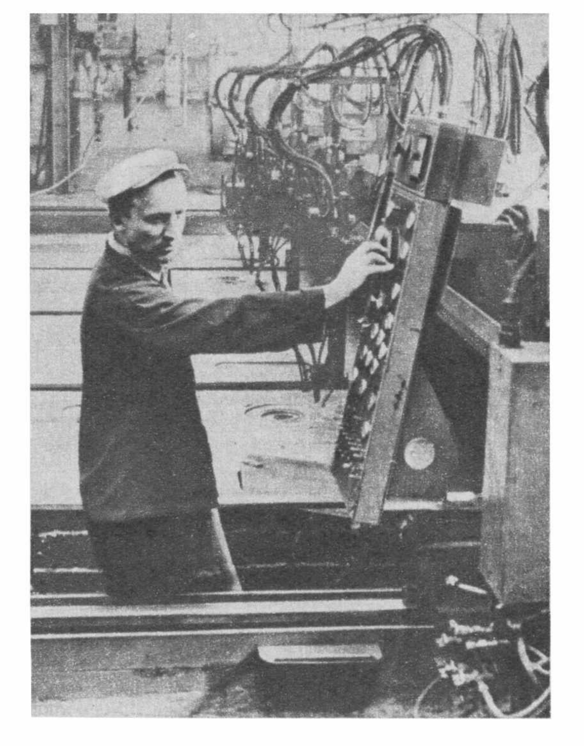
Я думаю, что лучше всего расскажут цифры о том, что такое для нас СССР как торговый партнер. Например, дизельных локомотивов мы поставляем в Советский Союз ежегодно более двухсот — на сумму 650 миллионов крон. Такой договор еще не заключало ни одно предприятие в мире, и наш завод ЛОКОМОТИВКА-СОКОЛОВО благодаря этому стал самым крупным экспортным производителем локомотивов в мире.

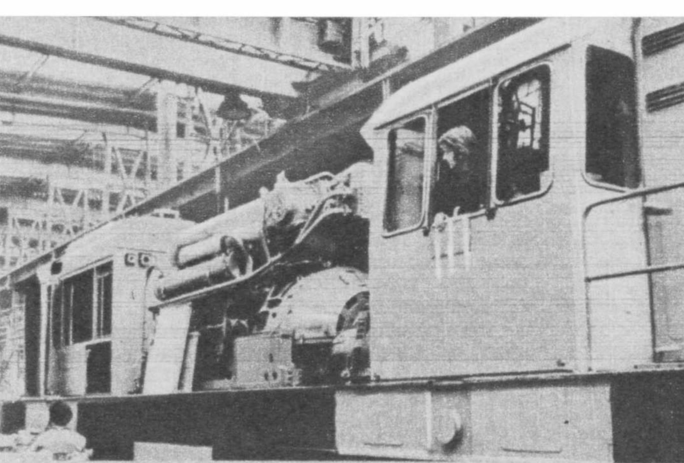
Советский Союз не только гарантирует огромные объемы закупок, но и позволяет планировать наше производство на много лет вперед. И каждая пятилетка в СССР открывает для нас такие горизонты, на которые не может рассчитывать ни одно капиталистическое предприятие.

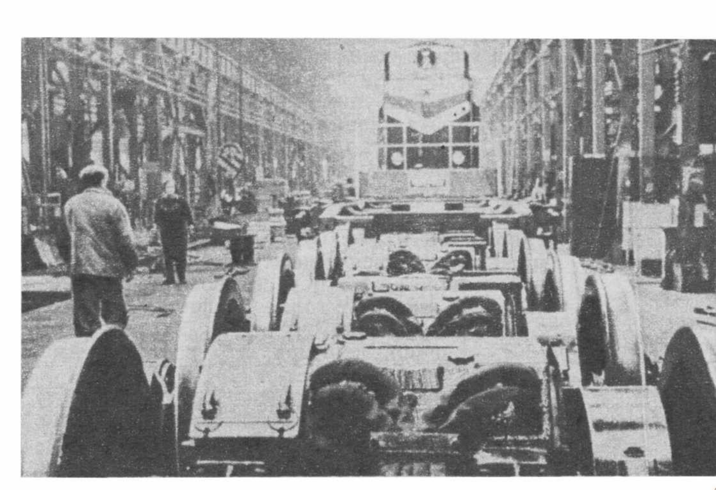
— Каковы, по вашему мнению, перспективы развития этого сотрудничества?

— Советский Союз предоставляет нам практически неограниченный рынок сбыта продукции, остается только пожалеть, что возможности наши не безграничны — у нас просто не хватит рабочих рук!

Однако для нас это партнер очень перспективный, и решения XXIV съезда КПСС делают эти перспективы еще более широкими. Развитие промышленности Советского Союза, ее научно-технической базы говорит о том, что Советский Союз в будущем уже не удовлетворит продукция просто очень хорошего качества, нужна продукция высшего класса. Поэтому задача научно-исследовательской базы ЧКД ПРАГА — продумать технические условия задания экспорта в Советский Союз с учетом возможных требований к качеству и ассортименту продукции.

Так рождаются «шмели».

◀ **Утренняя прогулка.**

Братство по оружию.

На учениях чехословацкой Народной армии.

Общежитие студентов университета имени Коменского в Братиславе.

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Милош КРНО

РАССКАЗ

Рисунок И. УШАКОВА.

Сентябрь был для нас подлинным раем. Занятия в школе еще не начались, игры продолжались до бесконечности, деревня преобразилась неузнаваемо. Почти в каждом доме появились новые люди, которые раньше скрывались от немцев. Пришли и партизаны.

Мы не спускали с них восторженных глаз, крутились вокруг них, рассматривали автоматы и гранаты, просили капсюли. Положим их на камень, ударим молотком... Но партизаны качали головой: оружие и спички — это не для детских рук.

Казалось, что на нас что-то нашло. Не только мальчики, но и девочки бегали по задворкам с деревянными ружьями, бросали глиняные гранаты.

В нашем доме поселились люди из города. Среди них седоволосая женщина, которая без конца перешивала девчачьи платьица и постоянно держала в губах булавки. Мне это так нравилось, что я тоже набрал полный рот булавок. Но мама меня отругала, сказала, что я могу их нечаянно проглотить и мне будет очень плохо, а то может случиться еще хуже: попадут они мне в сердце. А вот у седоволосой женщины есть якобы в горле мешочек, так что с ней ничего не случится. Удивительно!

Я, конечно, понимал, что все это мама придумала, но перестал брать булавки в рот. Затем, когда партизаны рассказали, как они подорвали немецкий грузовик, меня осенила мысль: надо натыкать иглы в глиняные гранаты и разбросать их на дороге. Разумеется, сделаю так тогда, когда покажутся немецкие мотоциклисты.

Фашисты безжалостно вешают и расстреливают наших людей. Недавно в городе они застрелили восьмилетнего мальчика. Слухи об их злодеяниях распространялись все больше и нагоняли страх.

Стоял дождливый сентябрьский день. Последние ласточки покинули провода и крыши домов. Ушли от нас и партизаны. Ласточки улетели на юг, партизаны отступили на север, в горы. Деревня притихла. Ребят осталось мало, а те, которые остались, не показывались на улице. Мой отец не выходил из избы, слушал радио и замирал от страха. Почему так медленно приближается фронт и где же русские?

Посмотрел я ему в лицо и, разочарованный, вышел из дома. Отец, а боится. Почему и он не ушел в горы? Наш сосед дядя Юро, наверное, уже давно в горах, а отец околачивается около дома. Конечно, дяде Юро что, он молодой, у него нет ни жены, ни детей, а ведь отец не может так просто оставить нас — меня, маму, годовалую Мариенку, бабушку...

Дядя Юро работал на кирпичном заводе, и мускулы у него были как железные. Однажды я собственными глазами видел, как он поднял телегу. И еще никогда не забуду, как пришли к нам циркачи с медведем. Трое с ним боролись, но не одолели. Потом решил попробовать свои силы дядя Юро. На морде у медведя была корзинка, на лапах — толстые рукавицы. Держали его на цепи. Дядя Юро схватил медведя, подставил ему ножку и свалил наземь.

Помню, как я обиделся, когда Лена, дочка той седовласой женщины, что держала булавки во рту, спросила меня, найдутся ли у нас такие смелые люди, которые не пустят сюда немцев. Лена с мамой скрываются от них уже в четвертом месте.

— Что ты о нас думаешь? — спросил я ее с горьким упреком. — Был бы здесь дядя Юро, он бы остановил их. Немцы его боятся!

Лена дернула себя за косички и удивленно вытаращила свои голубые глаза.

— Правда?

Я знал только то, что дядя Юро одним из первых ушел в горы, но о том, что его боятся немцы, мне никто никогда не говорил. Он ушел, и я о нем больше ничего не слышал. Но я очень любил дядю Юро. Однажды он слепил мне из глины домик и ящерицу. И не только это. Когда я читал книгу о Яношике, то представлял себе его точь-в-точь как дядю Юро.

Как-то сидел я на старой, заброшенной пасеке и, прислушиваясь к стрекотанию кузнечиков, придумывал всевозможные подвиги, которые совершал дядя Юро. Вот я на необитаемом острове, на меня нападают людоеды с петушиными перьями на шляпах, а дядя Юро меня спасает.

Или еще. Я не был хорошим футболистом, но в воображении мои мячи летели, как огненные стрелы. Не раз я представлял себе напряженную борьбу. Мы проигрываем, и вдруг я делаю удар, другой! И счет уже равный! Играли мы на чужом поле за Вагом. Болельщикам мой выигрыш не понравился, они бросились к нашим воротам, схватили меня и стали грозить, что бросят в омут. И тут из толпы вынырнул дядя Юро, встал на том месте, откуда бьют одиннадцатиметровый, и крикнул, чтобы меня отпустили. Тогда все бросились к нему с криками, что и ему надо дать хорошего, но как только дядя Юро сжал кулаки, все отступили.

Я твердо уверовал, что мускулы у дяди Юро железные, что он самый сильный человек на свете и что никто его не сможет ни обидеть, ни одолеть.

— Да, немцы дядю Юро боятся,— повторил я уже с уверенностью в голосе.

Мы были в саду. Я влез на кривую яблоню, спустил ноги с ветки и мечтал ошеломить Лену. Я и не думал ее обманывать, а только сам предавался фантазиям. Все смешалось у меня в голове — мечты, желания, выдумка.

Рассказывал я Лене, как на Магуре фашисты окружили партизан и требовали, чтобы те подняли руки. Некоторые уже готовы были сдаться: ведь партизан была горстка, а немцев — тьма, да еще наверху на горе стоял танк. Как вдруг откуда-то выскочил дядя Юро с пулеметом и развеял в прах врага, так что только пыль клубилась по склонам.

— А что стало с тем танком?

— Его захватили. Дядя Юро его захватил.

— А как он туда въехал?

— Есть там извилистые дорожки, так он по ним потихоньку прошел,— начал выдумывать я. — Ведь это танк с резиновыми гусеницами.

Смотрели мы на Магуру, освещенную лучами заходящего солнца, и странная тоска сжимала мое сердце. Улетели ласточки, ушли партизаны, заходит солнце... Что, если сюда доберутся немцы? Кто нам поможет?

Вечером люди стали выходить из домов. Во дворах валялись набитые рюкзаки и мешки. Слух, что немцы готовятся расправиться с партизанской деревней, разнесся с молниеносной быстротой. Надо было уходить в долину. Но без сала и картошки не уйдешь, в пути умрешь от голода.

Я тоже вышел на улицу, и вдруг сердце у меня забилось, как колокол. По дороге шел мужчина в кожаном пальто и меховой шапке — дядя Юро! Автомат через плечо, за поясом гранаты, на шее бинокль, сапоги — ну точно такой, каким я представлял его в своем детском воображении. За ним поспешно шла группа партизан.

— Как дела, пан сосед? — хотел крикнуть я, но слова застряли у меня в горле. От удивления я едва смог произнести слова привета.

Он положил мне на плечо свою тяжелую медвежью лапу и засмеялся звучным басом.

— Поддали мы им здорово,— покачал он головой,— всем до одного.

— Говорят, немцы сюда придут,— шепнул я.

— Что? Не бойся, все будет в порядке! Его уверенность передалась и мне.

— Верь мне,— добавил он,— все будет в порядке. Или ты меня трусом считаешь?

Я почувствовал, как кровь ударила мне в лицо. Мне хотелось сказать ему все: что я его обожаю, что искренне ему верю, что знаю, что он самый сильный в мире человек,— но нужные слова не приходили на язык.

— Не бойся,— повторил он.

— А вы уже в них стреляли?

— Спрашиваешь! Да еще как!

— А в вас не попали?..

Глупо, подумал я, и чего это я его допрашиваю! Он же улыбнулся и крепко обнял меня за плечи.

— Пуля меня не тронет, малый. Эх, если б ты был постарше, взял бы я тебя к нам... Не бойся, в меня не попадут.

Я посмотрел в его глаза долгим взглядом и понял, что дядя Юро никого не боится и пуля в самом деле его не берет.

Вернулся я домой и, когда увидел маму, как она, затаив дыхание, выглядывает в окно, весело сказал:

— Не бойся, дядя Юро пришел.

Она смерила меня таким странным взглядом, что у меня сразу пропало желание что-либо ей рассказывать. Ведь дядя Юро здесь, он никого не боится! Но разве мама это поймет?!

Вечером мы снова играли в войну. Немцев у нас, разумеется, было меньше, чем раньше, в основном все были партизанами. Я был партизанским командиром, и у меня была большущая рогатка. Я представлял себя дядей Юро и шел в атаку на неприятеля.

Утром меня разбудила стрельба. Она раздавалась внизу на краю деревни, оттуда, где стояла старая мельница. Люди высыпали на улицу, поднялась такая суматоха, какой я никогда не видал. Одни кричали, что надо прятаться, другие бежали по деревне...

Отца не было дома: он ушел молотить. Мама баюкала Мариенку, и слезы текли у нее из глаз.

— Что будем делать, если они придут,— причитала она,— что будем делать?

Стрельба затихла, но крики на улице усилились. Соседская собака как-то страшно скулила.

Я открыл окно. Внизу по дороге торопливо шла группа партизан.

— Ваши пошли туда,— услышал я женский голос,— Юро был среди них.

— Не пускайте этих чертей!

Юро ушел с партизанами. Дядя Юро защищал деревню. Ничего с ним не случится. Ведь никто не может сравниться с ним.

Стрельба смолкла. Вверху по деревне промчался мотоцикл, и тотчас же разнеслась добрая весть, что немцы отошли на шоссе. Я был рад, что они испугались дядю Юро, и, желая что-либо узнать, выбежал из дома.

Возвращались партизаны, за ними грохотала повозка. Мужчины сняли шапки, толпа притихла. Кого-то убило, понял я, конечно, ведь была стрельба, а глаза мои искали среди партизан могучую фигуру дяди Юро.

Что-то сжало мое сердце и задержало дыхание. Меня охватило страшное предчувствие. Я подошел к повозке. Там лежал дядя Юро. Вся шея его была в крови, руки беспомощно висели, глаза похолодели.

— Мертвый,— прошептала за моей спиной мама.

— Нет, нет! — вскрикнул я и побежал через двор в сад, на старую пасеку.

У меня не было слез. Я представлял себе неподвижное тело дяди Юро, лежащее на телеге, и яростно топал по траве ногами. Потом я расплакался. Как же случилось, что именно его убили, самого сильного на свете, который никого не боялся?! Дядю Юро одолели, дядю Юро!

Я никак не мог осознать этого, но когда все же ясно понял, что случилось, упал на землю и горько заплакал. Оплакивал я дядю Юро, оплакивал я свое первое большое горе.

Перевела со словацкого
Т. МИРОНОВА.

Павол ГОРОВ

ТИХАЯ НОЧЬ

Великолепное стихотворенье!
Колышет море утомленные буи.
Заходит солнце. Вот в такое время
спать дети собираются мои.

Вода мерцает, волны камень лижут,
ночь вышла звезды выверять свои.
А море и во сне неслышно дышит,
как дышат дети спящие мои.

Но крик — как будто кто вонзил отчаянно
нож в тишину, слагающую стих.
То вскрикнула блуждающая чайка,
напомнив крик сквозь сон детей моих.

И вновь меня смятенье охватило,
порыв тревоги вновь меня настиг,
вновь беспокойство в колокол забило
за спящих в тишине детей моих.

Но тихо вновь. Созвездия взлетели
пчелиным роем — вслушайся, замри,—
они мерцают прямо над постелями,
в которых мирно дети спят мои.

Спокойна ночь. Звезда на Спасской башне
сияет маяком в ночах морских,
пятиконечная, она стоит на страже
всех спящих в мире и детей моих.

Я знаю — будет, как стихи, прекрасна
жизнь на земле! И дети всей земли
спокойно будут, позабыв опасность,
спать, как сегодня дети спят мои.

Перевел со словацкого
Петр ВЕГИН.

Мирослав ФЛОРИАН

АМЕРИКАНСКИМ СОЛДАТАМ ВО ВЬЕТНАМЕ

По-чешски я вам это говорю,
но также
языком общедоступным
морского ветра,
падающих яблок
и джазовой трубы.
И дождевою каплей
вызваниваю:
бросьте, бросьте это!
Я скрежещу вам зубьями расчески
поломанной,
шепчу я вам губами
далекой той,
чье начерталось имя
на золотом колечке обручальном,
и грохочу камнями речек горных:
кончайте с этим,
гиблое ведь дело!
Народ тот никогда вам не поддастся,
да вы и сами сознаете это,
вы знаете:
его девиз сильнее
речей шаблонных ваших президентов,
пустой шумихи вашего сената.
И голос тот,
который успокоить пытаются в вас божьи
слуги ваши,
у вас в душе бунтует, нарастая:
вернитесь же туда,
где ваши нивы зреют,
где на крови и на позоре вашем
нагуливает кто-то капиталы...
Довольно крови
бойни троглодитской,
boys, go home! [1]

Перевел с чешского
Олег ЗВЕРЕВ.

[1] Ребята, домой!

ЛИДИЦЕ: СЕРДЦ

Ю. СБИТНЕВ

Сердце помнит. Оно ничего не забывает. Что-то сотрется, затеряется в памяти, будто бы канет навечно в Лету, но вдруг тревожно или радостно в один крохотный миг забьется и вспомнится былое ясно, со всеми подробностями.

Тут сердце бьется тревожно... Оно все помнит, и не забыть ему былого вечно.

Лидице...

Перед вечерним закатом безветрие, покой, тишина. И небо над землею тихое, чистое, голубое, мирное. Откуда-то из-за бугра, поросшего барбарисом, доносится детский голосок, высокий и тоже чистый. С низины тянет туманом; что-то свое выговаривает в камышах птица, и по-синичьему тинькает трактор на поле. Так мирно, так спокойно, а сердцу тревожно, больно сердцу...

В тишину вечера, в покой словно бы ввинчивается железный скрип. На арке памятника павшим медленно раскачиваются железные хищные птицы. И этот скрип сразу же возвращает в прошлое...

Огонь, пепел, кровь... Десятое июня 1942 года... Мирное чешское село, в единое мгновение стертое с лица земли...

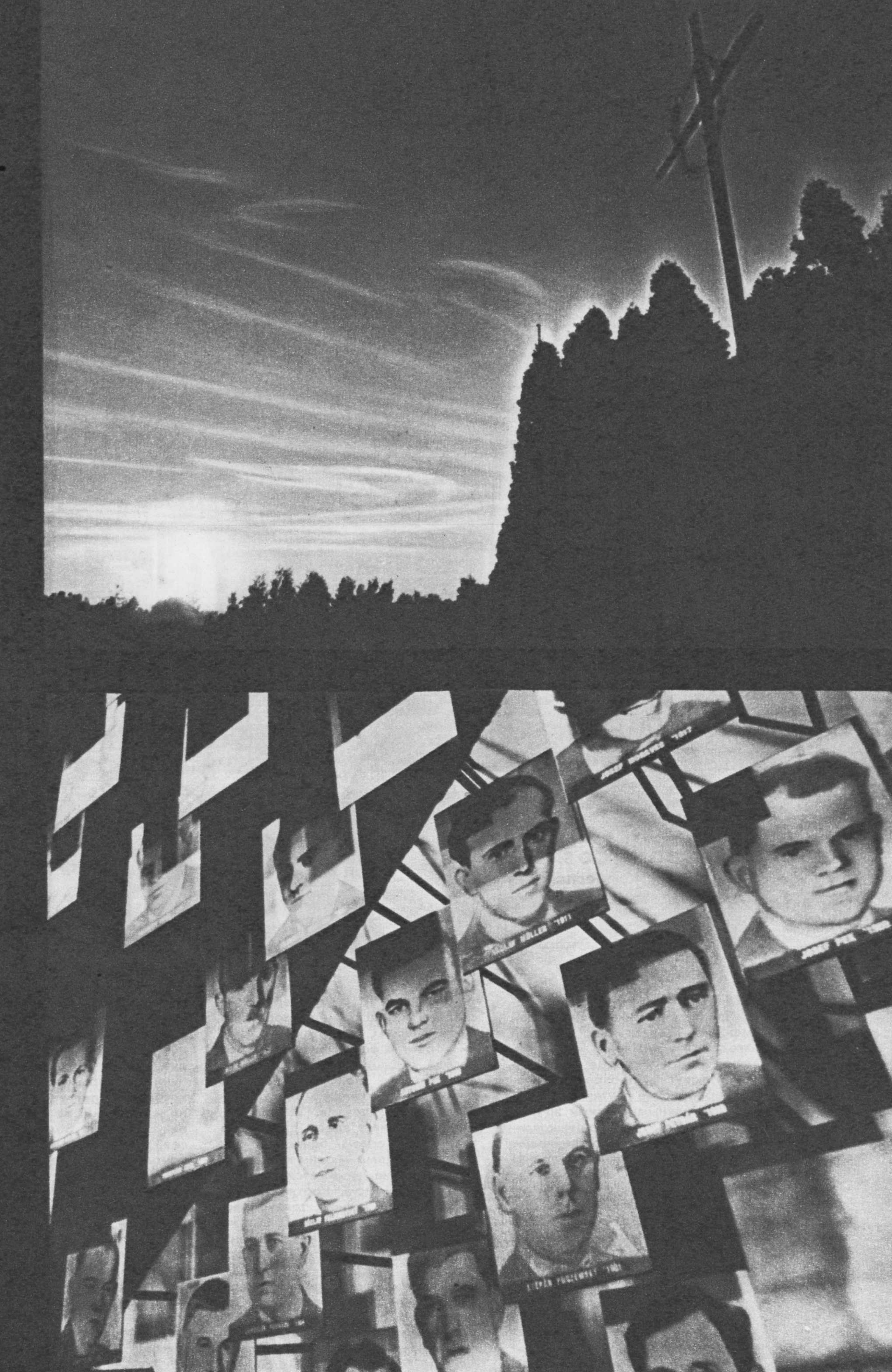
А за бугром детский голосок и барбарис капельками крови обрызгал землю, пеплом тянет с низины, и там, в зарослях, живым голосом стонет птица. В черном небе черный, словно обуглившийся, опутанный ржавой проволокой крест... Фотографии на музейной стене: металлурги, горняки, землепашцы. Они были расстреляны тогда, 10 июня 1942 года. Старший прожил восемьдесят четыре, младший не дожил до пятнадцати... И еще одна стена. На ней нет фотографий. На ней две плиты, сплошь исписанные именами. Детей. Убитых, сожженных, задушенных в газовых камерах. Много имен на стене. Мы кладем к ее подножию белые цветы.

Анна Покорна — экскурсовод, женщина, потерявшая тут, в Лидице, мать, отца, мужа, трехлетнего ребенка, протягивает руки:

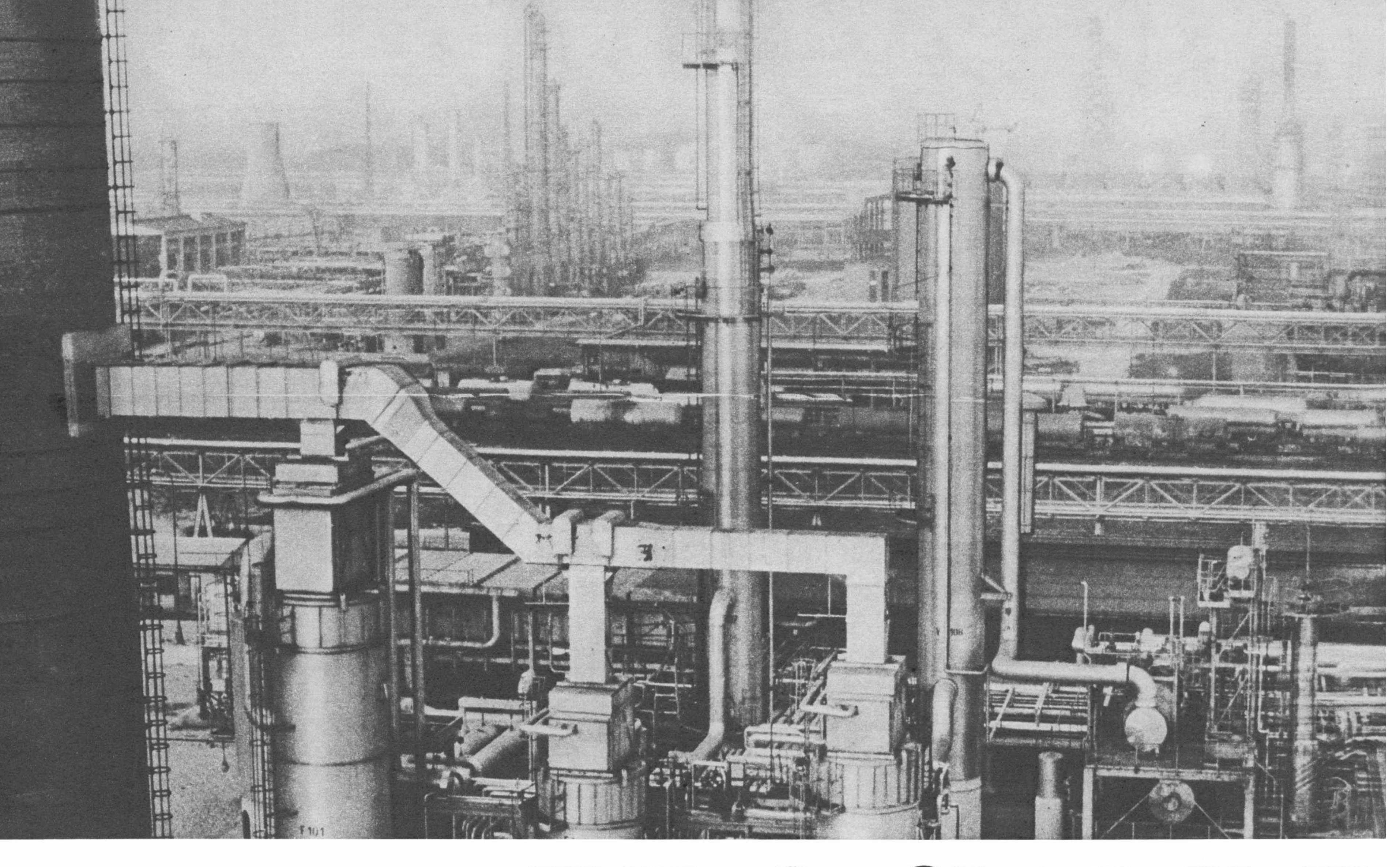
— Дайте я вас поцелую.

Губы ее мелко-мелко дрожат, и я ощущаю эту дрожь каждой капелькой крови. Сердце помнит. Оно ничего не забывает.

Лидице, 6 октября 1971 года.

Е ПОМНИТ

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

МОСТЫ

Осень в Словакии — золотая пора. Яркая и звонкая. Радостной симфонией льется она над этой благодатной землей, отзываясь каждой ноткой в сердце человеческом. Плывут в прозрачном воздухе серебристые паутинки, опутывают жемчужными нитями жгучие гроздья рябин. Словно выкованные из меди, тускло отсвечивают в лучах закатов стройные колоннады сосновых лесов. Уже поползла вниз по склонам Татр осенняя седина, а вершины их по-прежнему белозубо улыбаются голубой бездонности неба. И только убранные поля лежат притихшие и усталые и серым своим однообразием еще ярче подчеркивают окружающее их буйство красок.

Люди радостно подводят итоги летним своим трудам, подсчитывают дары урожая и играют свадьбы. Повсюду в селах и городах вы встречаете эти торжественные процессии — впереди маленький оркестр громко возвещает рождение новой семьи, преисполненные важности ребятишки несут за невестой белопенный шлейф ее подвенечного платья, жених бережно поддерживает свою суженую левой рукой, а правой сжимает яблоко, чувствуя себя нововявленным Адамом. Замыкает кортеж вереница многочисленных родственников и друзей. Если свадьба городская — притормаживают машины, почтительно дают ей дорогу, а если сельская, то все соседи, сидящие у своих домов на лавочках, не менее почтительно встают и провожают молодых потеплевшими глазами. И видишь, что люди живут здесь дружно, в таком же тесном единении, как стоят и их дома — один к одному, стена к стене, и кажется, что это один общий дом, протянувшийся на всю длину улицы, только раскрашен он поперечными черточками в разные цвета и со стороны выглядит яркой полоской спектрограммы.

Вечерами не можешь отделаться от впечатления, что попал на певческий праздник: сквозь открытые окна ресторанчиков и винарен выплескиваются на улицы звонкие голоса, гуляет молодежь, поднимает в трезвом застолье бокалы легкого молодого вина — бурчаг, и вино это подсказывает им слова и мелодии старинных словацких песен...

Ранним утром поднялись мы на Славин-гору, возвышающуюся над Братиславой. Выше ее здесь разве только вон та, соседняя, где вонзилась в небо башня телевидения, удивительно похожая на стартующую к звездам космическую ракету. Здесь, на Славине, у памятника советским воинам, павшим за освобождение Словакии, всегда торжественная тишина, разлив цветов, склоняющих свои венчики над серым камнем плит, под которыми спят вечным сном парни и девушки, пришедшие на Дунай с берегов Волги, Терека, Енисея, Амура... Они пришли сюда почти тридцать лет назад, принесли людям свободу, а сами остались навечно на берегу этой далекой реки и уже никогда не порадуются ни детям своим, ни внукам...

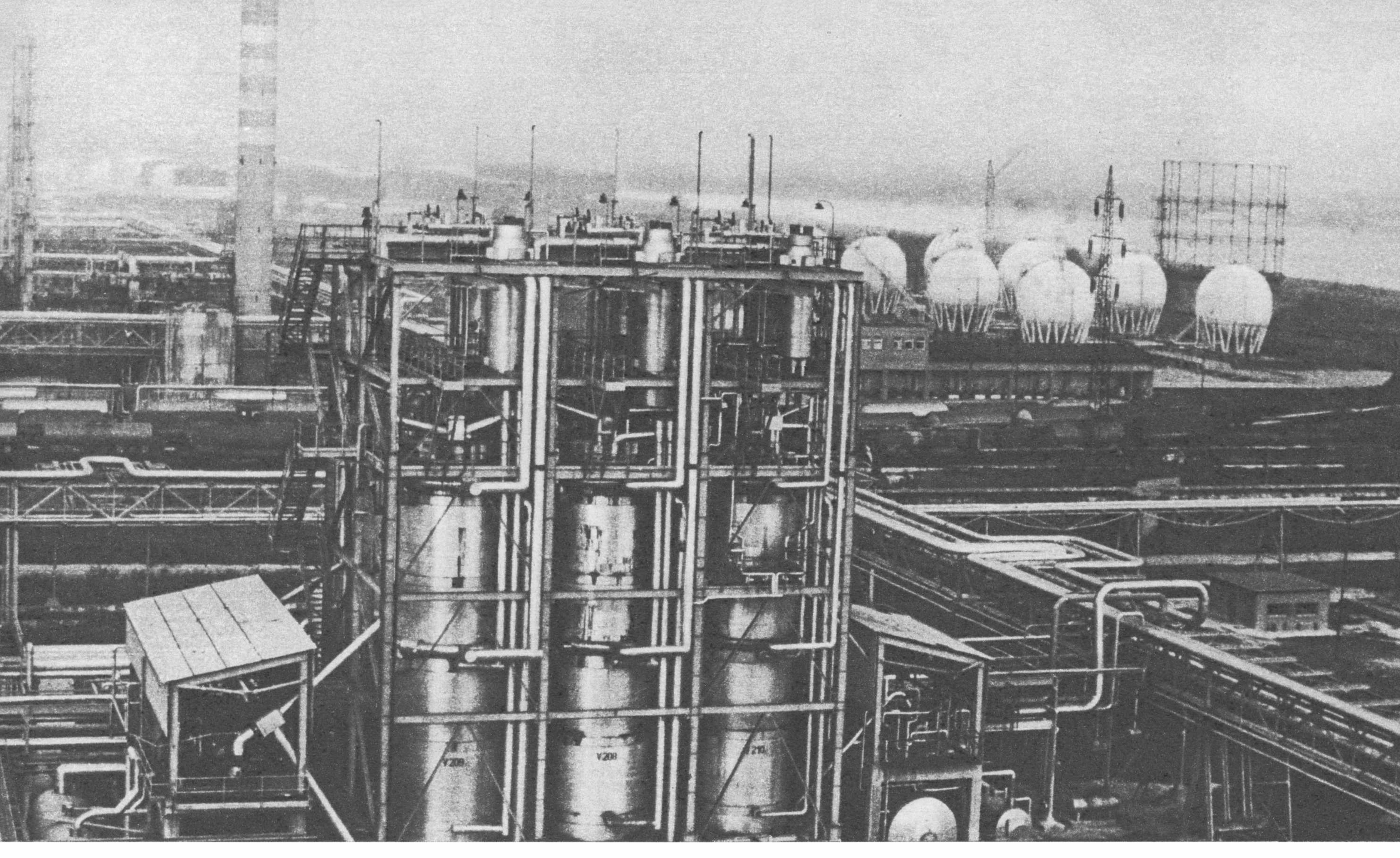
А Дунай — вот он, поблескивает голубым клинком в бледной утренней дымке, белеет пятнышками пароходов, спешащих по своим речным делам. Они проплывают мимо города, и с них можно увидеть другие памятники: белый обелиск, воздвигнутый в память о моряках Дунайской военной флотилии, рядом с ним две бронзовые фигуры—воин, обнявший своего смертельно раненного друга. На пьедестале короткая надпись: «Героическим болгарским партизанам, которые положили жизнь за нашу свободу».

А отсюда, со Славина, видна узкая ниточка, пересекающая Дунай,— это мост. Он тоже своего рода памятник, на мемориальных досках, установленных с обеих его сторон, вы можете прочитать такие слова: «Мост был разрушен немецкими фашистами в 1945 году. Восстановлен по приказу Маршала Советского Союза товарища Конева И. С. инженерными частями Красной Армии при содействии промышленных предприятий Чехословацкой республики».

Мост этот служит Братиславе уже четверть века. На совесть сработали его советские солдаты!

Но жизнь идет вперед, и тесноват стал старый мост. И неподалеку от него уже растет новый. Набережная под древним замком превратилась в огромную строительную площадку, которая перегородила излюбленные места прогулок братиславцев, но никто не сердится — все знают: скоро ляжет над Дунаем стройный красавец мост, и сразу просторней станет в городе и машинам и людям. И уже именуют его Мостом дружбы, потому что спроектировали его друзья из Венгрии, основные строительные материалы прислали друзья из Советского Союза, а возводят его чехи и словаки.

Мосты дружбы — сколько их! Разве нельзя назвать таким мостом гигантский нефтепровод «Дружба», что перекинули люди через

ДРУЖБЫ

четыре с половиной тысячи километров от Татарии до Братиславы?

...Несколько лет назад мне посчастливилось присутствовать при пуске нового трубного завода в городе Волжском, что рядом с Волгоградом. Завод этот строился в тесном сотрудничестве с Чехословакией. Заводы — Витковицкий, Ждярский, Хотеборжский, ЧКД ПРАГА — разработали и изготовили для Волжского мощные сварочные станы труб большого диаметра, и специалисты этих предприятий возглавляли их монтаж и наладку, помогали советским рабочим осваивать новую сложную технику. Теперь трубы Волжского завода вытягиваются в линии магистральных нефте- и газопроводов, по которым идут к людям богатства земли. Бывал я в Карпатах, в тех местах, откуда уходят на землю Чехословакии нитки нефтепровода «Дружба» и газопровода «Братство». Я стоял среди ромашкового поля, возле последнего контрольного крана, от которого всего несколько шагов до границы наших братских государств. И вот теперь попал на комбинат «Словнафт» под Братиславой — первое предприятие на пути советской нефти в Чехословакии. Здесь нефть впервые после далекого путешествия в трубах выходит наконец на свет божий и превращается в столь необходимые людям продукты химии. Но не кончается на этом нефтепровод — он пересекает Словакию и идет дальше, на запад Чехии, в Залуже, на другой комбинат, имени Чехословацко-советской дружбы.

Комбинат «Словнафт» вырос на месте старого завода пятнадцать лет назад и рождением своим обязан нефтепроводу «Дружба». Свою новую историю здесь отсчитывают от 1956 года, когда были переработаны первые триста тысяч тонн рапы (так здесь называют нефть). Теперь об этом вспоминают с улыбкой: несколько миллионов тонн в год — вот сегодняшняя производительность комбината.

Беседую с руководителями партийной организации завода — председателем комитета КПЧ Мирославом Мана и его заместителем Штефаном Бартак. Они рассказывают о той большой идеологической и организационной работе, которую ведут коммунисты завода. После того, как организация очистилась от оппортунистов, которые хотели сорвать развитие производства, перечеркнуть успехи, достигнутые за минувшие годы, на комбинате произошли огромные изменения и в настроениях и в экономике. Укрепились позиции КПЧ, широко развернулось движение Социалистического союза молодежи Чехословакии, который теперь объединяет на комбинате 1 200 юношей и девушек. Тысячу сто человек насчитывает и отделение Союза чехословацко-советской дружбы. В семидесяти двух бригадах социалистического труда работают две тысячи производственников. Эти бригады явились застрельщиками соревнования в честь XIV съезда КПЧ. К пятидесятилетию КПЧ было принято обязательство: дать на 40 миллионов крон сверхплановой продукции, семнадцать миллионов из этой суммы постановили передать на благоустройство Братиславы.

Уроки кризисного периода не прошли даром — рабочие и инженерно-технический состав проявили большую тягу к политическим знаниям. Поддерживая этот общий подъем, партийная организация разработала новые формы идеологической работы. Многие молодые члены партии и союза молодежи учатся в вечерней политической школе, при первичных организациях созданы курсы активистов. Наиболее подготовленные товарищи посещают вечерний университет марксизма-ленинизма, а те, кто его закончил, включаются в лекторскую группу, насчитывающую семьдесят человек. Но лекторов не хватает. Системой политической учебы охвачено так много людей, что количество групп пока что значительно превосходит количество лекторского состава. Естественно, что результатом такой широкой воспитательной работы явились большие успехи и в сфере производственной.

О производстве рассказывает директор комбината Ян Дзиан.

— Наш комбинат дает республике моторные топлива, смазочные масла, асфальты, сырье для нефтехимии. Не берусь перечислять сейчас все виды нашей продукции — их около ста двадцати! Из них, в свою очередь, другие предприятия производят еще сотни необходимейших людям вещей. Ну назову вам самые прозаические, такие, как синтетические ткани, или, скажем, подошвы для обуви. Любопытный круговорот совершает нефть. Не говоря уже о предметах большой химии, могу привести пример, касающийся рядового потребителя. Ваша нефть возвращается к вам в виде трикотажа, белья, верхней одежды. Чехословакия ежегодно поставляет в Советский Союз около тридцати миллионов пар обуви, и не исключено, что многие нефтяники Татарии, стоящие у истоков нефтепро-

вода «Дружба», ходят в ботинках, подошвы которых изготовлены из их же нефти, то есть буквально разгуливают на своей нефти! Комбинат расширяется, он в перспективе задач, поставленных перед нами XIV съездом КПЧ, почти удвоит свою мощность. У нас строятся новые производства, и тут неоценимую помощь оказывают нам и советская промышленность и советская наука — мы работаем с ними в тесном контакте. Кроме того, ширятся наши связи с другими странами — участницами СЭВ. В основе всей нашей работы — программа углубления сотрудничества и интеграции промышленности всех социалистических государств, входящих в СЭВ.

Мне приходится часто встречаться со своими коллегами из этих стран: я являюсь членом постоянной комиссии СЭВ по нефти и газу. В этом году заседание комиссии проходило и здесь, на «Словнафт». Мы познакомили товарищей со своим комбинатом, обменивались опытом, и результаты этого обмена непременно скажутся самым положительным образом.

Разумеется, что дальнейшее расширение производства влечет за собой и подготовку кадров — и рабочих, и техников, и инженеров. Многие из них уже прошли стажировку на родственных предприятиях в Советском Союзе, и такой метод обучения намечен и на будущее. Но мы гордимся и тем, что и советские специалисты приезжают учиться на наш комбинат, это и есть одна из форм братского сотрудничества и взаимной помощи...

В поездке по комбинату (именно в поездке — пешком его и за неделю не обойдешь!) моим гидом был Штефан Бартак. Он отлично говорит по-русски — окончил Московский институт химического машиностроения. Мы осмотрели уже несколько производств, когда он, хитро улыбаясь, предложил подняться на новую, вот-вот вступающую в строй установку. Сколько этажей отмахали — не знаю. Но, когда вышли на верхнюю площадку, у меня дух захватило, и не от ходьбы, а от прямо-таки грандиозной картины, которая отсюда открывалась. К самому горизонту уходили серебристые сооружения, бесконечные переплетения труб и конструкций. Но это было не все, зачем мы сюда пришли. Пока я снимал этот величественный пейзаж, Штефан куда-то исчез и вскоре возвратился с коренастым, крепким и улыбчивым человеком.

— Познакомьтесь. Оператор Богуш Гавел...

— Не страшно вам тут работать, на такой высоте? — спросил я первое, что пришло на ум, и оттягивая время, чтобы рука моя отошла от могучего рукопожатия и вновь обрела возможность держать карандаш.

— Ну да это разве высота! — засмеялся Богуш.

И тут я узнал, что для него это действительно не высота, потому что он, спортсмен-парашютист, выступал в 1961 году на соревнованиях у нас в Киеве и вообще имеет на своем счету 1 760 прыжков.

— И сейчас прыгаете? — покосился я на его полноватую фигуру.

— Два года назад перестал, вот что мешает.— И он похлопал себя по животу.— Но если серьезно — возраст уже не тот...

Семнадцать лет трудится на комбинате коммунист Богуш Гавел, тут же работает и его жена Милада, тоже член КПЧ. У них трое детей — два сына и дочь, все учатся в школе. Сейчас Богуш готовится пускать новую установку. Он мне начал объяснять на языке химии, что здесь будет производиться, но потом увидел в моих глазах откровенное невежество и засмеялся:

— Ну, одним словом, из этого потом получается лавсан.

— Так сразу бы и сказал!

— Скромный человек,— говорил мне Штефан Бартак, когда мы уже спускались вниз.— Даже не похвастался, что рабочие комбината выдвинули его кандидатом в районный Национальный комитет на предстоящих выборах...

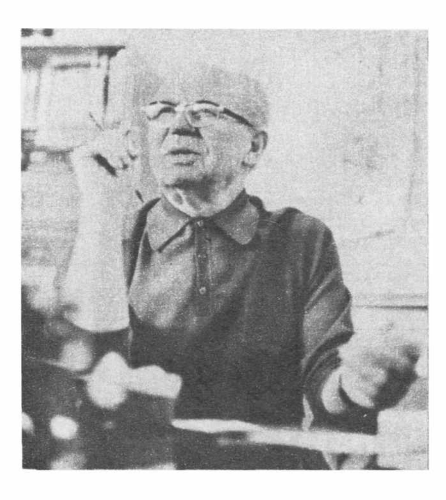
...Все-таки это очень плохая привычка — не читать предисловий. Но мне всегда жалко разрушить новизну, а редкий автор предисловия не пересказывает, хотя бы в нескольких словах, содержание книги. К тому же всегда интересней составить свое мнение о прочитанном, не опираясь на чье-то другое, пусть и компетентное. А прочитав книгу, возвращаться к предисловию почему-то уже неинтересно.

Но предисловия полезны. И убедился я в этом, побывав в маленьком городке Юр, утопающем в виноградниках на юго-западных склонах Малых Карпат. Это очень древний городок — первые сведения о нем относятся к 1209 году. Но знаменит он, по-моему, все же не своими памятниками старины — усадьбой эпохи Возрождения, костелом тринадцатого века или развалинами замка Белый Камень. И даже не старинным винным погребом, где людям еще верно служит огромная бочка, изготовленная в 1847 году, и где на скользкую, замшелую стену разноплеменные посетители лепят монетки своих стран (и я не удержался — прилепил нашу копейку рядом с болгарской стотинкой и немецким пфеннигом).

Знаменит Юр тем, что здесь жил и работал словацкий писатель Петер Илемницкий. Чех по национальности, он на всю жизнь связал свою судьбу со словацким народом, был одновременно и журналистом, и учителем, и писателем, внесшим огромный вклад в дело чехословацкого единства, в становление пролетарской литературы Словакии.

Здесь, в Юре, доме-музее Петера Илемницкого передо мной раскрылась жизнь этого замечательного человека (тут-то я и устыдился, что не удосужился прочитать предисловия к его книгам, следовало бы все это уже знать).

1 января 1922 года молодой учитель вступает в Коммунистическую партию Чехословакии, а годом позже уже редактирует газету «Правда бедноты», где работает совместно с Клементом Готвальдом и учится у него страстности публициста, коммунистическому интернационализму. В 1926 году, в июле, он приезжает в Советский Союз с большой группой чешских, словацких и венгерских рабочих, образовавших товарищество «Интергельпо» с целью внести свой вклад в дело строительства социализма. Товарищество основало в Киргизии, в городе Фрунзе, мастерские, со временем они выросли в завод сельскохозяйственного машиностроения, продукция которого теперь идет во многие социалистические страны. Несколько лет назад я писал репортаж об этом заводе, расположенном на улице Интергельпо, встречался с детьми

ВСТРЕЧА С ХУДОЖНИКОМ

— Сколько Грусу лет? За пятьдесят,— сказал мне мой спутник-переводчик, когда шли мы по осенним золотым улицам Праги в мастерскую народного художника Чехословакии Ярослава Груса.

Каждое утро, когда я просыпаюсь, в моем гостиничном номере горьковато пахнет печным дымом. Запах этот приходит в открытое окно с черепичных «многоэтажных» крыш города. Утром Прага пахнет теплым хлебом, поджаристыми, с хрусткой корочкой, рогаликами, рыхлой пеной «прездроя», сырым песком (подле нашей гостиницы укладывают мостовую), и еще пахнет утренняя Прага лесом. Ранним утром запах осенних листьев и трав сильнее всех городских запахов. В мастерской Ярослава Груса я снова ясно услышал эти все утренние запахи, и еще дыхнуло на меня еловыми зеленомошными борами, когда солнце, заплутавшись в хвое, поделило чащу на золотые квадраты и треугольники, определив границу между ними широким лучом. И еще услышал я в мастерской запах дороги, которая всегда сопутствует настоящему художнику. Ощутил прелесть и обаяние близкой мне страны. От ее славянской неторопливости до «четы белеющих берез», не раз и не вдруг встреченных на околице сел. И пусть села эти внешне никак не были похожи на мою родную сельщину, зато люди, особенно бабушки и дедушки, чинно восседающие на лавочках, с любопытством выглядывающие прохожих, были настоль близки, что тянуло остановить машину, поздороваться, присесть рядом и потолковать о том да о сем.

Все это виделось мне в работах художника.

А Ярослав Грус — подвижный, живой, с молодо поблескивающими глазами, «листал» одну картину за другой и говорил:

— Работы только что вернулись из Москвы. В Москве была моя персональная выставка. Сейчас готовлю большую в Праге. Очень много работы в художественном комитете.— Есть такой комитет, и Грус — его председатель.— Очень часто выступаю перед студенческой молодежью. Начал работу над большим, монументальным полотном для Пражской Ратуши. Много спорю, беседую, рассказываю...

У народного художника день расписан по минутам. Вот и сейчас он торопится. Но не ради того, чтобы побыстрее отделаться от посетителя, а побольше успеть рассказать о том, что волнует, радует и огорчает его.

— Мы по своему географическому положению словно бы на перекрестке всех европейских дорог. Поэтому очень сильны и проникновения к нам западного искусства. Наши художники, особенно молодежь, часто «бросаются» на все «новое», что приходит оттуда. Особенно, если это новое, как в недалеком прошлом, усиленно насаждалось. Я думаю, что если с соседнего бурьяна в сад залетит семечко и росток его садовник начнет поливать да ухаживать за ним, окучивать, взрыхлять вокруг землю, то вскоре и в саду поднимется бурьян. Такие «садовники» весьма усердно работали у нас в Союзе художников. Многие из них сейчас покинули Чехословакию, убежали.— Художник разводит руками.— Где они? Там, на Западе. А тут нам приходится начинать все сначала и, главное, биться, завоевывать художническую молодежь. Ведь самое новое не всегда бывает самым настоящим.

Мы тепло прощаемся.

— До встречи! До скорой встречи! — говорит художник.— Вы знаете, у меня естественная любовь к русским. Во-первых, вглядитесь в мою фамилию: Г-рус, а, во-вторых, моя бабушка Казакова, так что я тоже немножко русский...

Мы вышли из мастерской.

— Знаешь, сколько лет Ярославу Грусу? — спросил мой переводчик.

— Ты же сказал, за пятьдесят.

— Нет. В этом году, а точнее, тринадцатого августа, мы отметили его восьмидесятилетие.

С. ЮРЬЕВ

Ярослав Грус. СЛОВАЦКИЙ МОТИВ.

В ИЮНЕ.

Мартин Бенка.
(1888—1971).
КЛЯТВА В ВЕРНОСТИ.

Штефан Герстнер.

РОДНОЕ СЕЛО.

и внуками тех самых рабочих. Ныне они трудятся на предприятии, основу которого заложили их отцы и деды. Называли мне и имя Петера Илемницкого, но я как-то не связал тогда это с его книгами. И сейчас здесь, в Юре, я еще раз прочувствовал, какой важный Мост дружбы и пролетарской солидарности был перекинут из Чехословакии в Советскую Киргизию в те, теперь уже столь далекие годы. И один из пролетов этого моста положил коммунист Петер Илемницкий. Недаром первым крупным его произведением явилась книга о Советском Союзе — «Звенящий шаг», написанная в 1930 году. В ней рассказывается о коллективизации, о борьбе с кулачеством, о зарождении социализма в деревне.

Вернувшись на родину, он пишет серию статей под общим названием «Два года в Стране Советов». И к этому периоду относится его слова: «СССР — богатейший источник знаний и опыта... Пример более совершенного общественного порядка». Один за другим выходят его романы «Невспаханное поле» и «Кусок сахару», посвященные сложным социальным процессам, происходящим в Словакии. В них писатель показывает, как крепнет союз рабочего класса с крестьянством, как в классовой борьбе мужают люди.

Потом была фашистская оккупация, подполье, гестапо, концлагерь Дессау... В начале 1945 года он оттуда бежит и добирается пешком из Германии до Праги, только что освобожденной Советской Армией.

Его последней крупной книгой стала «Хроника» — повесть о Словацком национальном восстании, повествующая о совместной борьбе словацких повстанцев и Советской Армии за освобождение его родины.

В связи с присуждением ему государственной премии за «Хронику» в 1948 году Илемницкий пишет: «Должен признать, что мне не удалось бы создать ни одной книги, посвященной жизни словацкого трудового народа, жизни рабочих, крестьянской бедноты, батраков и всех тех «маленьких людей», работать и совместно бороться с которыми для меня было естественной потребностью и радостью, если бы не было коммунистической партии, которая меня воспитала, сделала целеустремленным и воодушевляла в труде».

Последний год своей жизни Петер Илемницкий отдал работе на посту пресс-атташе Посольства ЧССР в СССР. Посмертно ему было присвоено звание народного художника Чехословакии.

В этом очерке о жизни сегодняшней Словакии я не мог не вспомнить об этом замечательном человеке, сделавшем так много для того, чтобы его родная страна стала такой, какова она сейчас. Ведь это о нем сказал великий сын Чехословакии Клемент Готвальд:

— Имя Илемницкого стоит в одном ряду с именами Станислава Костки Неймана, Юлиуса Фучика и Бедржиха Вацлавека — провозвестников нового, социалистического искусства и социалистического будущего нашей родины.

...Во все стороны от Юра уходят вдаль виноградники. Если вам не лень шагать, то они вас приведут в село Рача, в кооператив имени Чехословацко-советской дружбы. Название дано не случайно — кооператив является коллективным членом этого Союза.

Председатель кооператива Франтишек Слезак, человек обстоятельный, неторопливый, рассказывает о своем хозяйстве.

— Земли у нас по вашим масштабам немного — всего 628 гектаров. На них умещаются и виноград, и пашня, и клубника, и фруктовые сады. Восемьдесят процентов винограда продаем государству, остальное оставляем себе — делаем вино. Вы к нам из Юра приехали? Так можем похвалиться, что наш винный подвал не уступит Юрскому, он уже вроде бы как памятник старины — двести пятьдесят лет ему от рождения!

В этом году клубники продали государству тридцать вагонов, винограда — шестьдесят, но это не все — сбор еще не закончен. В прошлом году имели дохода 22 миллиона крон, и в этом столько же будет.

— Благодатная у вас земля!

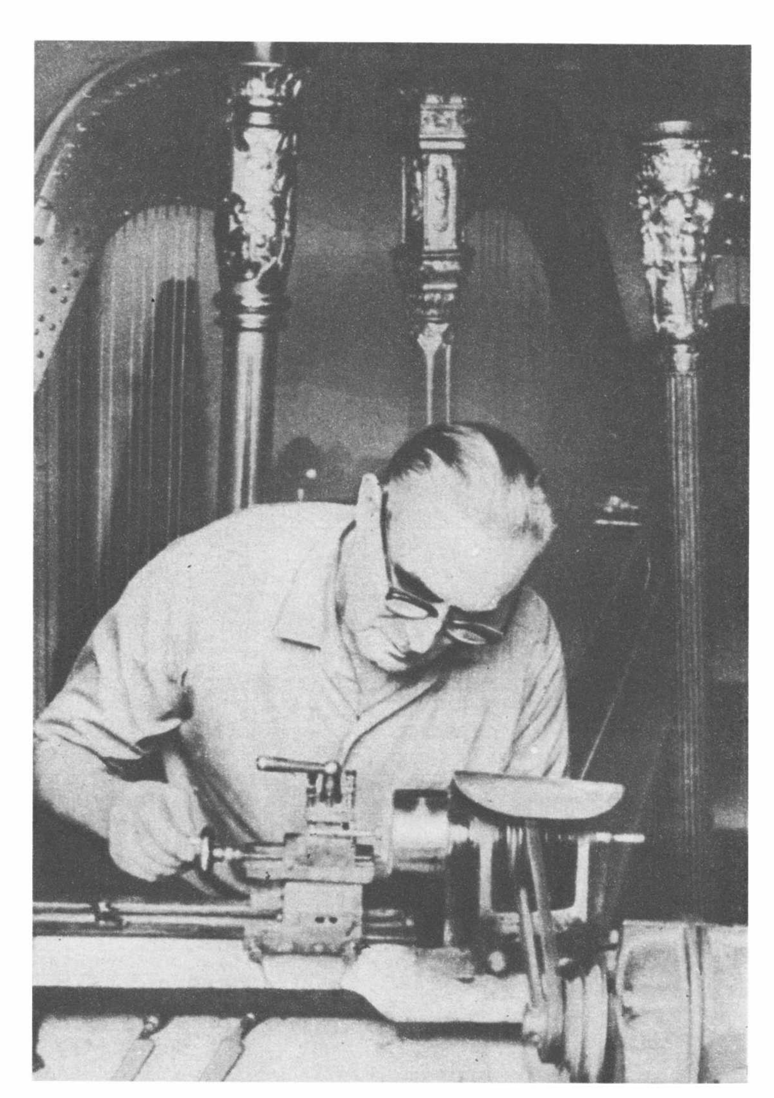
— Благодатная, говорите? А знаете, сколько камня надо было выбрать, когда расчищали ее под виноградники? Да не только выбрать, а и закопать потом поглубже. Триста пятьдесят тысяч кубометров! Гора? Это был ужасный труд, вот вам и благодатная земля. Все, что на ней есть, — дело рук человеческих. Зато теперь люди живут хорошо.

Рабочих рук у нас немного — в кооперативе состоит 368 членов, — помогает техника. Название свое мы оправдываем: знаете, сколько из нас уже побывало в Советском Союзе? Триста тридцать! Каждый год посылаем по 20—25 человек. Ездим и в другие страны. Мы ведь в гости отправляемся не только дружбу крепить, но и ума-разума набираться — у болгар и венгров учимся виноградарству, у поляков перенимаем опыт разведения клубники... Но постоянный многолетний обмен у нас с Грузией — мы дружим с колхозом, который находится в селе... Рача. Такое уж получилось приятное совпадение! Обмениваемся сортами — они наш виноград и клубнику выращивают, мы — грузинские. Они к нам едут, мы к ним. Каждый год ездим. И в шестьдесят восьмом ездили и в шестьдесят девятом... Мы, крестьяне, народ крепкий, нас с пути не собьешь!

...Мосты дружбы. Сколько их — не счесть. Рижский камерный оркестр играет в Братиславе, в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований, словацкие ученые защищают диссертации, советское объединение «Союзхимэкспорт» закупает у братиславского предприятия «Хемапол» химикалии, металлургический комбинат в Кошице, на самом востоке Словакии, работает на сырье, поставляемом Советским Союзом... Это только несколько частных примеров, которые подсказала память во время краткого пребывания в братской республике...

Осень в Словакии — золотая пора. И хотя еще летают прозрачные паутинки, на рассвете уже прохладно, а вечерами попросту зябко. Но это природа. А соприкоснись с человеком — и тебя тут же согреет тепло дружеского сердца. Оно всегда горячее — и осенью, и весной, и зимой, и летом — в любое время года. Горячее сердце друга...

Братислава — Москва.

Мастер Станислав Червенка за работой.

Единственный мастер

Петр БАРТА

В помещение сквозь окна пробиваются холодные лучи зимнего солнца. Пахнет деревом, в углу тускло поблескивает латунь, а все остальное пространство занято четырьмя только что сделанными сияющими арфами.

Я внимательно слежу за рукой мастера Червенки. Пытаюсь выяснить, где же граница ремесла и начало искусства. Возникает дилемма: обычная это мастерская или художественное ателье?

Я слежу за движениями рук мастера Червенки. И только теперь понимаю смысл слов единственного создателя арф в ЧССР: «Арфа не собирается, она создается, каждая — единственная в своем роде».

В течение целого года рождается арфа, деталь за деталью. Мастер все время меняет материалы: металл, дерево, кость... Все это должно быть идеальным. После того, как все 2 тысячи деталей готовы, наступают 14 дней, завершающие работу. За эти 14 дней мастер собирает концертный инструмент.

Однако следует иметь в виду, что мастер не должен забывать о традициях, он должен любить и знать их. Без традиций нельзя собрать арфу. И поэтому люди не должны удивляться тому, что мастер Станислав Червенка собрал свою первую арфу самостоятельно в 1951 году по чертежам, которые он сделал во время починки арфы, собранной его дедом. Кстати сказать, эти чертежи были сделаны еще перед войной, когда он помогал в работе деду.

Мастер Червенка заканчивает создание своей десятой арфы. Это неплохой результат многолетнего труда, особенно если принять во внимание тот факт, что во всей нашей республике насчитывается около двухсот этих величественных, благородных инструментов. Чехословакия входит в число стран, где есть производство арф. Ведь мастеров по сборке арф в мире не так много. Один-единственный мастер среди 14-миллионного населения с международной точки зрения вполне нормальное явление. У мастера Червенки есть талантливый ученик — Вацлав Вацка. Поэтому мы можем не беспокоиться об этом исключительно художественном ремесле и в будущем.

Власта Бахтикова со старинной флейтой.

ВОЗРОЖДЕННОЕ ОЧАРОВАНИЕ

Вендула ГРОНОВА

Волшебная старинная музыка наполняет небольшую комнату. Достаточно закрыть глаза, немножко фантазии — и зашуршат роскошные кринолины благородных дам в ритме старинных танцев. Но вот распахнулось окно, и уличный шум Вацлавской площади сразу же возвращает нас в двадцатый век.

Мы находимся на репетиции молодых музыкантов ансамбля «Collegium flauto dolce». Итальянское название своему коллективу они дали потому, что оно понятно музыкантам всего мира. В переводе означает — коллегия сладких флейт.

Члены ансамбля Ева Матейкова, Власта Бахтикова, Анежка Крутска, Зора Красна и Иржи Котоуч — выпускники Пражской консерватории. Они основали ансамбль пять лет назад и с тех пор завоевали признание не только в нашей стране, но и за границей.

В репертуаре ансамбля большое место занимает прежде всего музыка периода Ренессанса, затем готическая, музыка раннего барокко (в частности сонаты) и, наконец, современные сочинения, написанные композиторами специально для этого коллектива. В обширный репертуар ансамбля включены также и забытые произведения. Своим искусством молодые музыканты доказывают, что произведения, написанные четыре, пять веков назад, не утратили и сегодня своего очарования. Однако нотных записей этой музыки сохранилось мало. Музыканты разыскивают их не только в наших архивах, но и за рубежом, выезжая на гастроли. Разучивание старинных произведений — дело нелегкое, потому что оно требует высокой профессиональной подготовки, умения импровизировать обработки, знания лютневых табулатур, которые заменяют обычное нотное письмо.

Все члены ансамбля владеют несколькими музыкальными инструментами. Это дает возможность комбинировать состав. Одно перечисление инструментов, которыми музыканты пользуются во время репетиции, вызывает даже у специалистов чувство уважения: пять флейт (сопрано, альт, тенор, бас, дискант), дискантовая виола, виола da gamba, цимбалы, чембало, ударные инструменты. Потрясает игра Евы Матейковой на 18-струнной лютне эпохи Ренессанса, а недавно она перешла даже на 24-струнную барочную лютню. Ева сама обрабатывает сочинения для лютни. А вообще всю «исключительную реализацию произведения», как это называют критики одной итальянской газеты, делает руководитель ансамбля Иржи Котоуч.

Прозвучали последние спокойные аккорды... Это была музыка, исполненная элегического раздумья. Автор ее замечательный английский композитор XVI века Джон Доуленд. Я воспользовалась минутной паузой и задала несколько вопросов о творчестве и планах ансамбля. Власта Бахтикова мне сказала:

— Кроме обычных концертов, мы устраиваем и познавательные концерты для молодежи по всей стране, а в последнее время и в Доме детей в Пражском Граде. Выступаем на вернисажах различных выставок, в концертах, играем в театре «Семафор» в программе «День прощения». Мы выступали заочно и на всемирной выставке «Экспо» в Осаке: там была запись нашего концерта, составленного из произведений старинной чешской музыки, которая сопровождала чехословацкую программу «Люди и земля».

Во время каникул мы записали тридцатиминутный концерт музыки эпохи Ренессанса для словацкого телевидения. А недавно пражское телевидение подготовило целую передачу нашего ансамбля. Все лето мы играли в различных замках. В такой обстановке играть старинную музыку особенно приятно. Мы сотрудничаем и с киностудией — записываем музыку для фильмов.

Кроме концертов и записей в нашей стране, мы получили приглашения из Парижа, скандинавских стран и США и надеемся, что на все предложения сможем ответить...

— Я смотрю, сколько у вас здесь инструментов, и не могу представить себе, как вы со всем этим хозяйством путешествуете?..

Власта улыбнулась.

— Раньше большие инструменты мы посылали почтой, но с тех пор, когда после шестимесячного путешествия в Италии по неведомым путям инструмент наконец вернулся ко мне совершенно разбитым, мы все возим с собой. Так что, если увидите где-нибудь груду футляров самых различных размеров, которые стараются втиснуть в вагон или автобус, значит, где-то поблизости найдете и нас!

— А вы и чембало берете с собой?

— Ну конечно, в нем всего лишь 50 килограммов чистого веса. И знаете, мысль о том, что где-то в свете уличных фонарей кто-то остановился у нашей афиши и решил пойти послушать прекрасную старинную музыку, для нас самый лучший источник энергии и творческого настроения.

В костюмах эпохи Ренессанса.

ДЕВОЧКА ИЗ БРАТИСЛАВЫ

В первом номере «Огонька» за 1971 год мы рассказали нашим читателям о Лесе Ярмак, о ее книжке «Провесна», познакомили с некоторыми стихами и сказками из этой книжки, написанными на украинском языке.

И вот мы побывали в Братиславе и встретились с самой маленькой писательницей Словакии. Сейчас Лариса Молнер — Леся Ярмак ее псевдоним — пишет на словацком языке (а говорит она свободно и на чешском, и на русском, и на украинском, и на сербскохорватском, немножко знает немецкий, а на французском поет песенки!). Ларисе уже одиннадцать лет, и она учится в пятом классе. Ее новое увлечение — пьесы для кукольного театра.

— Мы летом ездили в Низкие Татры,— рассказывает Лариса,— были там, где во время войны высадились советские парашютисты. Они жили у лесничего, который прятал их от фашистов на сеновале и в подполье. Немцы за это сожгли его дом. Теперь дом новый, и лесничий другой, новый, а в память о тех днях на большом камне люди высекли добрые слова о парашютистах, которые помогли организовать здесь партизанское движение. Мы играли в партизан и придумали даже подземный ход от дома лесника в неприступные горы. А потом я сочинила пьесу о цветке — принцессе гномов. Там были и драконы, и разные козни, и приключения на дне морском. Кончается все хорошо, и цветок превращается в принцессу. Я пока еще не могу написать о партизанах, а впечатлений было так много... Главное ведь, чтобы хорошее всегда одержало победу над злом, правда?

Кроме литературного таланта, у Ларисы обнаружились и способности к музыке. Дважды в неделю ходит она в музыкальную школу и уже стала признанной солисткой. Ее последняя работа — концерт для фортепьяно с оркестром, который написал специально для нее словацкий композитор Юлиус Ковальский. Ученический оркестр недавно побывал в Вене, где выступал с большим успехом. («В целой Вене мы не могли бы собрать такой хороший коллектив»,— писали местные газеты.)

— Публика была самая лучшая,— вспоминает Лариса,— ведь в этот день был большой хоккей, так что пришли истинные ценители! Теперь мы едем с нашим концертом в ГДР, будем выступать в Айзенахе. Там музей Баха, можно будет все посмотреть, а главное — древние рояли...

Мы надеемся, что теперь у талантливой и доброй девочки из Братиславы появится множество друзей во всех республиках нашей страны.

Ю. МИХАЙЛОВ

АЛЬПИНИСТЫ И ГОТИКА

Станислав РУДОЛЬФ

Это опасная работа. Но кто-то же должен иметь смелость и влезть на готические пики кафедрального собора святого Вита, установить там измерительные приборы, вычистить желоба, заделать трещины. За это взялись альпинисты пражского общества «Элис» и члены альпинистского отдела «Славия». Ну и работенка была — даже снизу смотреть страшно...

Познакомьтесь с Геленой Матоушовой.

— Вы студентка?

— Учусь на втором курсе философского факультета Карлова университета. Изучаю русский и английский.

— Какую работу вы тут выполняете?

— Мы меняли деревянные перекрытия. Старые уже сгнили, и каждый шаг по ним грозил обвалом. Потом укрепляли измерительные приборы, с помощью которых сотрудники Института горнодобывающей промышленности выясняли сейсмические характеристики собора. Кроме того, мы определяли материалы, из которых построен собор. И, наконец, прозаическая, но очень нужная работа: чистили водосточные трубы и желоба.

— Как вы поднимаетесь на самые высокие «пики»?

— Очень просто. Сначала по земле, потом сюда наверх и по карнизам и укреплениям до тех мест, где предстоит работа. Конечно, нужны альпинистские навыки, проворство и надежная страховка.

— Но смелость ведь тоже нужна?

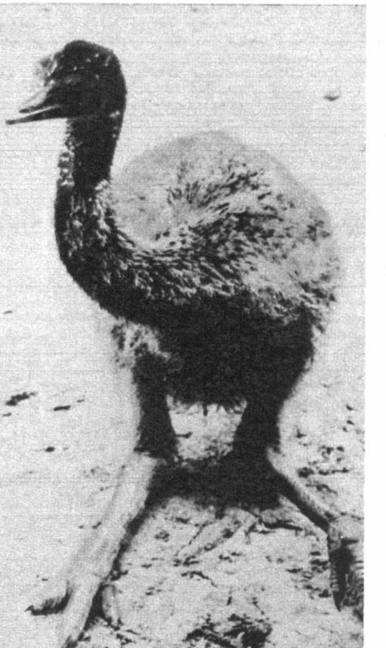
— Да. Без нее, как говорится, нельзя взойти и на хребет косточки от сливы! А кроме смелости, должны быть хорошие товарищи, с которыми ты связан одним тросом...

— Через несколько лет вы будете учительницей, Гелена. Придете сюда когда-нибудь со своим классом?

— Ну, конечно!

— Вы думаете, они вам поверят, что вы побывали вон на той башне?

— А я возьму с собой фотографию, на всякий случай...

СТРАУСЫ НА ЭКСПОРТ

Ян ПАЛКА

По дороге к зоологическому саду Лешна, что близ города Готвальдова, мы были убеждены, что едем смотреть просто страусов. Но восемнадцать только что появившихся малышей, собственно, называются гораздо сложнее и точнее. Они относятся к разряду бегунов, подотряду казуаров, род — эму коричневые. Их родина — зеленая страна кенгуру Австралия.

В Лешне эму коричневый поселился в 1928 году. Завез их для своей утехи некий граф. С тех пор эму тут прижился, хотя разведением работники зоологического сада в Лешне начали заниматься всего три года назад.

Здесь уже есть три пары эму коричневых. И в прошлом году осенью они снесли нужное количество яиц с характерной «страусовой» структурой. Кладка яиц — довольно сложный процесс. Длится он от одного до пяти месяцев. Для работников зоологического сада это означает состояние постоянной готовности, ведь каждое яйцо нужно вовремя перенести в теплое место, где оно будет храниться, пока самец не начнет присаживаться. Это знак того, что он готовится к высидке яиц. В семействе эму коричневых яйца высиживает самец. Работники зоосада подкладывают под каждого самца 10 пронумерованных яиц. 53 дня высиживает терпеливый папаша птенцов, все это время не притрагиваясь к пище.

Незадолго до конца инкубационного периода проводится контроль. В ведро с водой, подогретой до 40° С, постепенно погружаются яйца. То яйцо, зародыш которого жив, начинает в воде вертеться и двигаться. Их возвращают на место под самца и ждут, когда появится новорожденный. За год вылупившиеся из полукилограммовых зеленых яиц птенцы вырастут до 170 сантиметров и будут весить около 56 килограммов.

Зоологический сад в Лешне стал «страусовой державой». Он отправляет своих питомцев в другие зоологические сады нашей страны и за рубеж. В этом году в январе два птенца рождения прошлого года отправились в ФРГ, а один — в Голландию. Но поголовье эму коричневых в Лешне постоянно растет. Сегодня тут тридцать два экземпляра эму коричневого и четыре страуса нанду.

На снимке: новорожденный.

ТРИ ВЫСОТЫ ИВАНА ПЫРЬЕВА

70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Нина ВЕЛЕХОВА

Иван Пырьев был сыном сибирских крестьян, батраков. Рано осиротел. Восьмилетним ходил в ночное. Пел в церковных хорах. В двенадцать лет пошел в «люди», исходил еще мальчишкой много русской земли. Жизнь его жгла, морозила, била и закаляла, создавая характер стойкий и ярко самобытный. Во все, за что брался Иван Пырьев, он вносил страсть и ярость.

На войне 1914 года Пырьев стал конным разведчиком... Кавалер двух георгиевских крестов, он, тяжело раненный, встретил Октябрьскую революцию в госпитале. И вышел из него снова воевать — прямо в гражданскую войну... Уже в шинели красноармейца, уже коммунист и политрук, он явился в 1922 году в театр Пролеткульта. Вместе с ним шел с фронта Григорий Александров. Первыми режиссерами, преподавшими Пырьеву основы режиссуры, были Сергей Эйзенштейн и Всеволод Мейерхольд; рядом с ним учились и работали Охлопков, Боголюбов, Штраух, Свердлин, Экк, Коваль-Самборский, Рошаль, Эсфирь Шуб, Игорь Ильинский, Бабанова... Много было их, молодых и упорных, кто создавал фундамент советского искусства. Без страха шли они на первые пробы нового; без отчаяния принимали провалы, без тщеславия совершали открытия. Голодные, они не просили есть, мерзнущие в холодных мастерских, не дрожали от стужи, усталые, не прекращали испытаний. И благодаря их усилиям ярче пылал огонь нового в искусстве молодой, крепнущей страны.

Пырьева и создал незабвенный период советского искусства, который мог бы быть назван «периодом бури и натиска», периодом пересмотра многих ценностей. Каким вышел из него Пырьев? Юный, он был сложным слитком духовных богатств и взял в своем творческом движении высоты, которые все-таки не исчерпали всей его, пырьевской, сущности...

Вначале он мало думал о себе и выступал не как лирик, не как поэт, а как строгий и суровый агитатор. Не потому ли его фильм «Конвейер смерти» — первый, который сделал Пырьева известным,— был так похож на хронику трагических будней немецких рабочих?.. Краски его однотонны и резки; силен «Конвейер смерти» был тем, что предупреждал об угрозе фашизма, агитировал против фашизма. Молодая и неистовая Ада Войцик играла в нем главную роль.

Потом был «Партийный билет», где Войцик — Анка, робкая и обиженная в своих личных и гражданских чувствах, обнаруживала в своем женихе кулака, прятавшегося под маской коммуниста. Фильм был резок и прям.

И вдруг в Пырьеве как будто открылись новые силы, зазвучали другие, раньше молчавшие голоса. Он захотел по-иному говорить о жизни, передать живое ее ощущение, свою близость к ее источникам. Он как бы стер многое с полотна, где писал, и на нем заново засверкал собственный, молодой, пырьевский лиризм. Он поставил «Богатую невесту», и вместо экспрессивного, нервного монтажа экран заполнили поля пшеницы, луга в цветах, дороги, по которым неслись рысаки. И белозубая колхозница — Марина Ладынина весело погоняла коней вожжами, норовя обогнать ветер... Музыка рассыпала вокруг нее звонкую дробь... И кто знает, не вспомнил ли режиссер свою мать, крестьянку, батрачку, которая ссыпала чужое зерно в чужой, господский элеватор...

И не в ответ ли на это печальное воспоминание возник образ народного счастья, образ счастливой колхозницы?.. Не была ли это мечта мальчика Вани, о которой рассказал режиссер Пырьев? Мечта должна была нести людям радость, улыбку. Фильм великолепно воскрешал как бы затухающий тогда жанр комедии. Пырьевский смех взорвал в кино спокойствие и рассудочность, в том числе и рассудочность его собственных первых фильмов. Его как будто осенило: пошли «Трактористы», «Свинарка и пастух»... Пырьев как бы вновь бродяжничал по степям и деревням, по всей земле России с ее богатствами и красотами. Он шутил и озорничал, не боясь трюков и неоправданных комических положений, и все перекрывалось дыханием народной комедии, народного смеха и живой человечности.

Это уже была как бы вторая высота. И с нее режиссер не сходил и в трагедийном «Секретаре райкома», где так поразительно соединились в исполнении Василия Ванина — он играл Кочета, главную роль,— смех и высокая, патетическая героика.

А потом Иван Пырьев вышел на третью высоту. Всегда отвечавший прямо и категорически на вопросы, которые ставила действительность, художник задумался над глубочайшими философскими вопросами жизни, вопросами назначения человека и ответственности.

Пырьев взялся за Достоевского потому, что любил его беспощадную и порой крайнюю остроту мысли, своеобразную диалектику, поразительное проникновение в психику и, наконец, знание русской предреволюционной жизни...

«Белые ночи» и «Идиот» были разбегом. «Братья Карамазовы» — могучим взлетом. Режиссер сосредоточил фильм на стремительно, хотя и бесконечно развивающейся трагедии распада рода Карамазовых. Он замечательно ясно показал стечение в одном этом роду чистоты и грязнейшего порока, нерассуждающей страсти и холодного ума, всех достоинств человека и всех глубин его падения. И в этой жизненной схватке должно было стать ясным: принадлежит ли в карамазовской семье кому-нибудь будущее?

С непостижимой поэтической силой передал Пырьев здесь свое понимание, свое чувство жизни, свое измерение ее великой и разумной ценности! Он сделал это не в готовых суждениях, а во всей художественной плоти фильма, во всех его актерских работах, в его ритмах, в ослепительном образе самого бытия — российской природы, ее зеленых рощ, ее томительно иссохшей земли, ее древних колоколен, оскудевших поместий, темнеющих безбрежных полей и утренних белых туманов... За всем этим виделось большее, чем может дать пейзаж. Лепя эти образы, Пырьев мыслил о человеке...

Недаром он придавал такое значение съемкам на природе, ради которых задолго до рассвета исследовал все, что будет снято на пленку.

Есть дыхание откровения и сила познания во всем, что он успел снять. Все, что испытал и увидел в жизни, вложил Пырьев в этот фильм. И умер, создавая его. Друзья, товарищи довели фильм до конца...

Он жил, не переводя дыхания,— работал, творил, любил, ненавидел... Таких художников создают только великие народные исторические сдвиги. Частью своего народа, его человечностью и яростью был Иван Пырьев.

МАСТЕР ОБРАЗА

70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Л. Н. СВЕРДЛИНА

Есть такие самобытные актеры, чье творчество не позволяет обнаружить какую-нибудь одну школу при исследовании особенностей их манеры, их сценического почерка.

К таким актерам относился Лев Свердлин, народный артист СССР. Недаром же сам он считал себя учеником мастеров таких противоположных, даже взаимоисключающих, как Мейерхольд и Хмелев, Щукин и Тарханов...

Актерские работы Льва Свердлина — все им созданное, будь то в театре или в кино,— на редкость индивидуальны, неповторимы... Диапазон его ролей так удивительно широк, человеческие характеры так разнообразны, что порой можно было бы усомниться: да полно, разве это один и тот же актер играет жестокого в своем равнодушии Полония в шекспировском «Гамлете», или, к примеру, создает буффонный, бравурный образ Аркашки Счастливцева в «Лесе» Островского...

Яркой приметой дарования Свердлина, артиста поистине неисчерпаемого, была способность проживать жизнь своего героя «целиком», отдавать этой жизни всего себя, вовсе не ограничивая ее временем пребывания на сцене... Оттого-то, очевидно, его герои — Андрей Валько из «Молодой гвардии» или Верейский из «Закона чести», Илья Журбин в «Журбиных» или Хлебников в «Персональном деле» — такие достоверные, такие человечные и убедительные...

Все, кто видел на сцене острые, публицистически насыщенные, волнующие спектакли с участием Л. Н. Свердлина, и теперь помнят, как становились свидетелями словно бы и не театрального действия, а участниками самой жизни, знакомились в ее гуще — «боевой, кипучей» — с новыми, интересными людьми...

Постоянная цельность натуры — вкусов, взглядов на искусство, жизненных убеждений,— которую являл Свердлин, очевидно, и была главной причиной внутренней цельности, монолитности его сценических образов. Мастер точнейшего и вместе с тем тончайшего перевоплощения, он буквально до мелочей, до каждого шага своего на сцене становился другим в каждой новой своей роли... Многоплановость таланта, его широта позволили Свердлину блестяще справляться с самыми различными творческими задачами, требующими подчас чуть ли не подлинного «перерождения».

Театру не мешали ни киносъемки, ни гастроли... Да ничто, казалось, не мешало Свердлину творчески жить во всю меру его духовных сил.

Так же самозабвенно вел он и педагогическую работу, стремясь как можно глубже, ярче, полнее знакомить молодежь со всем тем прекрасным, что сумел собрать, накопить в театре, в жизни, в общении с людьми... В ГИТИСе имени Луначарского, во ВГИКе и сегодня хорошо помнят уроки мастера. Уроки Льва Свердлина, замечательного артиста, педагога, человека.

Б. ТОЛМАЗОВ,
народный артист РСФСР

ГЛАВА 7

В это утро наконец вышел на службу Шарапов. Я шел по нашим длинным унылым коридорам и думал, что с пятницы собираюсь позвонить ему и никак не выберусь — забываю. А около его кабинета вдруг уловил за дверью запах кофе. Я без стука толкнул дверь и увидел его за столом. Шарапов наливал в хрустальный фужер кипяток, и кофейный аромат поднимался горькими нежными клубами.

Этот нелепый фужер с отбитым краем я помню столько лет, сколько знаю Шарапова. Когда-то давно, в те поры, когда у нас еще не было растворимого кофе, он варил натуральный на электрической плитке в маленьком кофейничке. Из-за этой плитки постоянно скандалили комендант и пожарник, которые в своих письменных и устных рапортах называли ее только «пожароопасным электронагревательным прибором». Спор решил начальник МУРа. Раскрываемость преступности в отделе Шарапова, видимо, волновала его больше, чем вероятность небольшого пожара. А поскольку и то и другое было, очевидно, связано с плиткой, то он сказал, чтобы Шарапова оставили в покое.

К плитке привыкли, и спустя несколько лет почти никто не заметил, что она уже не нужна Шарапову: кипяток для растворимого кофе можно было согревать в электрическом кофейнике, ни в коей мере не являющемся «пожароопасным электронагревательным прибором». Но я-то знал, что Шарапов не любит обескофеиненный коричневый порошок, в разговорах со мной он называл его только «эрзацем» — смешным словечком, уже почти забытым со времен войны. А пил он его потому, что натуральный кофе пить уже было совсем нельзя: здоровье не позволяло. Так плитка с кофейником, ставшим просто кипятильником, превратилась в маленькую достопримечательность, лишенную содержания традиционную форму, как пирамида, из-под которой уже давно выкрали фараона. Но Шарапов с каменным спокойствием пирамиды хранил от посторонних свою тайну, отшучивался, говоря, что растворимый кофе — его уступка прогрессу, и только я догадывался, как болезненно-нервно он боится за свою былую репутацию «железного» Шарапова, выпивающего за ночь дюжину фужеров кофе — «чтоб спокойно работалось...».

Он дождался, пока в фужере поднялась желто-коричневая пена, и сказал:

— Ну, здорово...

— Здравствуй, Владимир Иваныч. Я третий день тебе собираюсь позвонить.

Шарапов глянул на меня, усмехнулся:

— Но-о? Третий день?.. Ладно. Допустим. Кофе попьешь?

Я кивнул. Он достал из стола белую эмалированную кружечку и стал насыпать в нее из банки кофе. Окна кабинета выходили на Петровку, к саду «Эрмитаж», и комната была залита ярким утренним солнцем. И оттого, что было очень светло, я вдруг увидел, что Шарапов больше не белобрысый блондин, а седой. Волосы у него были не мочально-белые, а седые, как мельхиоровые вилки. Лицо ватное, припухлое, белое, и я почему-то подумал, что Шарапова, наверное, и в молодости не любили женщины. Интересно знать, как он до женитьбы ухаживал за своей Варварой? Думаю, что никак не ухаживал. В немногие свободные вечера ходил с ней в кино «Колизей», молча приносил свиную тушенку из своего пайка и, отдавая, говорил своим невыразительным, тихим голосом: «Возьми, мне и так много дают...», — хотя пайка хватало еле-еле, жили впроголодь. Потом, наверное, сказал однажды, что ему дали комнату и им надо бы зарегистрироваться. Пошли и записались, тогда ведь не надо было ждать три месяца очереди во Дворец бракосочетаний... Скорее всего, именно так все и происходило. А может быть, и не так, кто его знает...

Шарапов, увлеченный приготовлением кофе, метнул в меня быстрый взгляд:

— Я вижу, не порадовал тебя мой видок-то.

Я пожал плечами:

— Ты же с бюллетеня, а не с курорта.

Он сказал задумчиво:

— У человека есть порожек, до которого его спрашивают люди: «Вы почему сегодня так плохо выглядите?» После, как перевалил, вроде радуются: «А сегодня вы замечательно выглядите!» Закон — чего необходимо, и чего — достаточно.

Я настороженно спросил:

— Ты что хочешь этим сказать?

Он добродушно улыбнулся:

— Вот ты, оказывается, тоже подвержен этим приличиям: проявляешь культурную непонятливость в таком вопросе... ясном, как репа.

— А все-таки?

— Все-таки? — переспросил Шарапов.— Ну, то, что для всех обыкновенно, нормально, мне уже дается с трудом. Я ведь, Стас, уже того... с ярмарки... Да-а...

Я помолчал. Дело-то, значит, у него серьезно, иначе он даже со мной не стал бы говорить на такие темы.

— Тебе сколько лет, Владимир Иваныч?

— Пятьдесят два. Это еще немного.— Он был почти весел.— В таких случаях еще пишут: «...в расцвете творческих сил...»

Я вспомнил вчерашний разговор об этом с Сашкой, все эти шуточки, и мне вдруг стало ясно, какое расстояние, сколько лет разделяют наши с Шараповым шутки и как время меняет их содержание. Не давая мне сказать, Шарапов продолжил, как будто отвечая моим мыслям:

— Я шучу, конечно. Дело не в годах, не в том, что их осталось мало. Дело в том, что они, которые остались, для меня стали слишком быстрые, короткие слишком...

Он прихлебнул коричневую дымящуюся жидкость и, отвернувшись от меня, стал смотреть в окно, где бушевала весна. По-прежнему глядя в окно, он сказал:

— Я во время болезни прочитал записки Филиппа Блайберга. Это человек, которому пересадили сердце...

— И что?

— Меня там одно удивило — я это будто своими глазами увидал: он пишет, что согласился на операцию потому, что знал — его сердце до конца изношено. Вместе со всей этой... сердечной сумкой. Да-а. Вот я тоже попытался представить, как мое сердце выглядит...

Я недаром восемь лет был под началом Шарапова. И был у него способным учеником. Поэтому и бровью не повел. А насчет того, что я не свободен от приличествующих условностей, он поторопился.

— Да-а, дела-а,— сказал я, копируя шараповскую манеру.— У нас с тобой, Владимир Иваныч, серьезно. Вот один вопрос только имеется: ты бы на пересадку сердца согласился?

Еще мгновение он смотрел в окно, потом повернулся ко мне и выключил весну на улице, как экран телевизора. И засмеялся:

— Ты змей, Стас. Нет, я бы не согласился.

— А почему?

— Не знаю. Я это понимаю, только объяснить мне трудно. Я ведь плохо говорю...

— А все-таки?

— Ну, мне же не пересадят насосик. И не возьмут такую истертую тряпку, как у меня. Значит, пришьют мне сердце какого-то совсем молодого человека, которому жить бы да жить, а он вдруг взял и под машину попал. Это уже несправедливо — раз, если и я буду жить с его сердцем, я чего-то добавлю к этой несправедливости. Да-а. Понимаешь, каждому отпущено только одно сердце. Свое. Хорошее или плохое. Вот с ним он должен жить, с ним надо и умереть.

Я почесал в затылке.

— Это уж какое-то язычество... Впрочем, насколько я тебя знаю, ты со мной неспроста завел эти погребальные разговоры. Чего-то ты от меня хочешь.

Он встал, не спеша прошелся по кабинету, будто раздумывая, говорить дальше или не надо. И всем своим видом давал понять, что шутки моей не принял. Потом подошел к сейфу, отпер, достал из нижнего ящика с отдельным замком толстую тетрадь в ледериновой серой обложке, сел за стол, аккуратно положил тетрадь перед собой, водрузив на нее свои огромные кулаки.

— Да,— сказал он.— Мне нужно от тебя. Важное дело. Ты сейчас чем занимаешься?

Я рассказал ему про Батона, чемодан, крест, портсигар. Рассказал, что завтра кончается срок задержания, что мы ждем сообщения из Унген. Шарапов хорошо знал Батона, и мой рассказ его развеселил.

— Да-а. Батон вовсе не роза, которую мечтаешь прижать к груди. Это на прошлом суде его же защитник выразился.

Я кивнул:

— Работенки он нам подкинул по горло.

— Пора привыкнуть,— сказал Шарапов.— У нас ведь, как у дворников: сколько снегу выпадет, столько и убирать. Ну, о движении по делу докладывай мне каждый день. А теперь давай закончим наш разговор...

Я открыл рот, но он сказал:

— Ты слушай меня и не перебивай. И отвечать не торопись, подумай. Это все штука серьезная. Лично для меня, например. Да и вообще... Я с тобой разговор о своем сердце не случайно завел, и в последний раз. О том, чтобы не болтал, не предупреждаю, сам понимаешь...

Он снял кулаки с тетради, взял ее в руки, бегло полистал и снова закрыл.

— Осенью будет очередная аттестация и, конечно, медкомиссия. Если какого-нибудь чуда не случится — а чудеса, знаешь, если и случаются, то скверные... да-а... то медкомиссия поставит на мне крест. Это тебе понятно...

Я невольно сделал протестующий жест, но он спокойно продолжил:

— Цыц! Не перебивай! Сейчас я подбиваю бабки. И вот из-за этой тетрадочки я спокойно уйти не могу. Это — мое первое дело, и возрасту ему сейчас двадцать три года. Когда все это случилось, ты поступил в школу. А я пришел работать в милицию. «Дело по обвинению профессора Минаева в убийстве жены».

Мне показалось, будто я что-то слышал об этом деле, но фамилия Минаев проползла в памяти, как трал по ровному дну, и ни за что не зацепилась.

— Неделю назад я прочитал в газете, что Минаев скоропостижно скончался. Он ведь немолодой человек уже, наверное, инфаркт. Устало сердце. И к этому свою руку тоже приложил.

Я сидел не шевелясь, понимая, что сейчас Шарапову нельзя задавать никаких вопросов — все, что нужно, расскажет сам.

— Когда-нибудь, постарше будешь — поймешь, даже, вернее, почувствуешь, что есть для каждого человека высшая судебная инстанция — суд его совести. Это суд суровый, потому что он не рассматривает смягчающих или отягчающих обстоятельств, а выносит решение одно — прав или виноват. Можно обмануть, переубедить, доказать любому суду, а сам себе никогда не скажешь — «виноват, но дело в том, что...». Да-а.

Теперь в двух словах дело, обстояло оно так: очень серьезные улики против Минаева были, просто страшные, а мне очень хотелось показать, что я хоть и молодой, да ранний. Очень я хотел, чтобы все наши подозрения были чистой правдой, я верил, прямо точно знал, что он убил, и старался изо всех сил, и если что-то не влезало в нашу версию, то я просто не обращал на это внимания: вполне достаточно было улик. И арестовал я его. Да, арестовал. Я в последнее время уже позабывать было стал, но вот снова все вспомнилось. Господи, как он страшно кричал тогда: «Это вы убийца, а не я!» Я просто тогда не понимал, что он имеет в виду,— я ведь его не убивал, сажая в тюрьму...

Шарапов помолчал, осторожно поглаживая ладонью обложку тетради, коротко взглянул на меня, криво улыбнулся:

— Ты не гляди на меня волком. Все было тогда гораздо сложнее... А было бы просто — не просил бы я тебя сейчас ни о чем...

ГЛАВА 8

Отправляясь на свидание к незнакомому человеку, я стараюсь обычно угадать заранее его внешность. Иногда это мне удается, и тогда я радуюсь необыкновенно, пытаясь объяснить свою удачу наличием в себе парапсихических свойств. Но поскольку никакой системы угадывания вывести мне не удалось, то при каждой следующей ошибке я уныло соглашаюсь с тем, что за меня просто сыграл случай. Это же подтвердила Людмила Михайловна Розина, которую я представил себе после телефон-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44, 46, 47.

ного разговора серенькой канцелярской мышкой.

Людмила Михайловна обещала разобраться с крестом и дать справку, кому он принадлежал. Я приехал в архив около двенадцати и, вышагивая по коридору, раздумывал о том, как она выглядит. В общем-то мне это было безразлично, и занимался я этим просто так: вроде бы гимнастика зачаточных парапсихических свойств. Прикинув несколько вариантов, остановился все-таки на серенькой мышке. Постучал в дверь.

— Ап! — раздался цирковой возглас из-за двери. Вот это да! Что-то слишком сильно для мышки. Я вошел, девушка за столом удивленно посмотрела на меня.— Ой, простите, я не думала, что вы так скоро будете. Вы Тихонов?

— Да. Здравствуйте. К сожалению, после вашей команды я не могу подпрыгнуть и сделать сальто — положение обязывает...

Она с сомнением посмотрела на мою длинную нескладную фигуру: только, мол, из-за положения?

Я ухмыльнулся.

— Ну, и отчасти из-за того, что я не пробовал делать сальто. А это, как говорит наш эксперт Ной Маркович, не скрипка — взял в руки и уже играешь. Сальто — это надо уметь...

Людмила Михайловна засмеялась, и я снова убедился, что по части парапсихологии у меня сильные перебои: серая мышка оказалась очень элегантной и смешливой девушкой, и, конечно, называть ее Людмилой Михайловной было просто необходимой уступкой служебному этикету — она была просто Люда, Людочка, а еще лучше Мила.

Она спросила серьезно:

— Товарищ Тихонов, а вы действительно настоящий сыщик?

— А как же! Вот мое удостоверение и запрос к вам насчет ордена.

— Да нет, я не об этом,— сказала она разочарованно.

— А-а! — протянул я.— Понятно. Но я еще не волшебник, я только учусь. Кроме того, могу сообщить, что хоккеист Борис Майоров стрижется всегда у одного и того же парикмахера...

Люда-Людочка-Мила недоуменно пожала плечами:

— Он что, пижон?

— Не-ет, ни в коей мере. Просто парикмахер равнодушен к этой мужественной игре, и поэтому он единственный из всех людей, кто не разговаривает с Майоровым о хоккее.

Она усмехнулась и невинно спросила:

— Но Майоров среди хоккеистов самый знаменитый. А вы?

— Среди хоккеистов — пожалуй...

— Нет, среди сыщиков?..

— Вряд ли,— ответил я.— А если подумать, то наверняка не самый...

— А хочется?

— Быть «самым»?

— Ну да. Самым знаменитым сыщиком?..

— Хочется,— кивнул я покорно.— Вот вы мне поможете, и, может быть, стану. Тогда мое тщеславие будет удовлетворено вдвойне.

— Почему вдвойне?

— Потому что я стану первым живым знаменитым сыщиком. Дело в том, что живых знаменитых сыщиков не бывает. Я вот, например, не слышал.

— Да-а? — недоверчиво протянула Люда-Людочка-Мила.

— Да,— подтвердил я сокрушенно.— Вы слышали про знаменитых убийц — извозчика Комарова и Ионесяна по кличке «Мосгаз»?

— Слышала.

— И все остальные про них слышали. Но ведь редко кому приходит в голову, что они стали знаменитыми после того, как их выследили и поймали совсем незнаменитые сыщики. Про Ионесяна вы слышали много, в газетах даже читали, а о том, что его поймал, вместе с другими, конечно, вовсе не известный вам подполковник Шарапов, вы и понятия не имели. Точно?

— Но ведь это, наверное, несправедливо? — сказала девушка с досадой.

— Нет.— Я перестал дурачиться и засмеялся.— Все справедливо. Люди должны знать актеров и спортсменов, и это правильно. А если сыщика прохожие стали бы узнавать на улице, как кинозвезду,— толку от него стало бы как от козла молока. У нас работа такая, что чем меньше людей знает нас в лицо, тем лучше.

— Ладно, не набивайте цену, а то мне становится обидно, потому что вы-то сумели найти себе оправдание, а мне и придумать нечего. Я-то как раз хотела бы, чтобы меня узнавали на улице, но ведь знаменитых архивистов тем более не бывает...

— Зачем вам слава? Слава — тлен! По-настоящему оценил меру счастья только тот лебедь, что вырос из гадкого утенка.

— Вы ехидный человек. И если бы вы не пришли с официальным запросом, я бы не дала вам справку.

— А что... уже? — спросил я с надеждой.

Люда важно кивнула и достала из стола напечатанную на бланке справку.

— Вот это темпы! — восхищенно пробормотал я. Мгновенно прочитал и вновь повторил концовку: «...Его превосходительство генерал-майора кавалерии барона Николая Августовича фон Дитца, командира 307-й Тернопольской дивизии орденом Святого благоверного великого князя Александра Невского со звездой и мечами 13 октября 1916 года от Р. Х.».

— Значит, Людмила Михайловна, другом Батона был его превосходительство генерал-майор кавалерии барон Дитц?

Она искоса взглянула на меня и сказала:

— Я не знаю, о каком Батоне вы говорите, но этот барон уже много лет ничьим другом быть не может. В 1946 году генерала Дитца, сподвижника атамана Семенова, по приговору Военной коллегии Верховного Суда повесили...

— Какого Семенова? — не сообразил я сразу.

Она осуждающе покачала головой:

— Ай-яй-яй! Стыдно не помнить. Атаман Семенов, белогвардейский генерал, в конце гражданской войны отступил в Маньчжурию, где и чинил всякие антисоветские козни, пока его в 1945 году после разгрома Японии не взяли в плен. Потом судили и вместе с четырьмя другими заправилами повесили. Вот и все, что я знаю.

— А что есть еще про Дитца?

— Ничего. Я уже посмотрела. Вам надо поинтересоваться в архиве Верховного Суда. Я не помогла вам стать самым знаменитым?

— Трудно сказать. Пока не знаю. Посмотрим, какие следы еще оставил его превосходительство...

Эх, Люда-Людочка-Мила! Я вдруг подумал, что хорошо было бы жениться на ней. Она красивая, веселая и хочет вырасти лебедем. И, может быть, ее бы не так угнетало бремя альтруистической тирании. Но я наверняка опоздал к ней на свидание. На несколько лет. В пять часов она торопливо накинет свое светлое демисезонное пальто, которое пока еще терпеливо висит в углу на гвоздике, прогремит легкой дробью каблучков по бетонным лестницам, выбежит на Пироговскую улицу, жадно вдохнет студеный вечерний воздух апреля, сядет на пятнадцатый троллейбус и в сутолоке часов «пик» будет мчаться по бульварам к центру, не замечая толкотни и препирательств пассажиров, и через запотевшее стекло будет разглядывать, как сквозь волшебную линзу, людей на тротуарах, раздумывая о далеких белых лебедях и тупых жирных утках, нисколько не заботясь о том, что какой-нибудь парень увидит ее задумчивое, грустно-улыбчивое лицо в желтой рамке окна, и толстобокий гудящий троллейбус сразу превратится в голубую мечту, быстро исчезающую в сторону Пушкинской площади, и этого парня, что кольнула она нечаянно в сердце, и не заметит — мечта цепко держится за поводья электрических проводов и мчится в жестком графике вечернего маршрута. А на конечной остановке Люду-Людочку-Милу будет ждать молодой человек, для которого надо вырасти лебедем, потому что и он еще твердо уверен, что быть по-настоящему счастливым можно, только став самым знаменитым. Его еще нельзя безнаказанно назвать щенком — можно выпустить джина из бутылки, и в связи с этим ему совсем не нужны войлочные тапки. Жизнь еще не призвала его проехать по стене, и он не знает, что вряд ли он будет когда-либо счастливее, чем сейчас, когда к нему мчится через весь город Люда-Людочка-Мила, оставляя на одно мгновение несчастным того парня на тротуаре, что увидел ее лицо в желтой рамке мечты, курсирующей до Лужников. Я опоздал на свидание, поэтому ее будет встречать молодой человек, который еще не знает, что самые знаменитые никогда не бывают счастливы. И опоздал я довольно давно, и по-настоящему ждет меня сейчас только один человек на земле — вор Леха Дедушкин, по кличке Батон, которому осталось сидеть под стражей еще несколько часов...

Я задумчиво смотрел на Людмилу Михайловну, а она взяла у меня из рук бланк, аккуратно сложила его пополам, еще раз, засунула в конверт и протянула мне:

— Вот и все. Его превосходительство... Смешное слово. У нас уже забыли о таких формах обращения и титулования. Жаль только, новых не придумали...

— Например? — спросил я.

Она развела руками:

— Не знаю. Но я бы хотела дожить до времен, когда к людям будут обращаться по их человеческим добродетелям: «ваша справедливость» или «ваша гениальность». Или вот здорово — «ваша милосердность»! Нравится?

— Нет. Мы бы ведь с вами могли снова не попасть в число самых-самых... Я бы просто хотел дожить...

— До чего?

— До счастья...

ГЛАВА 9

У дежурного для меня лежало несколько телеграмм. Я даже не очень волновался, читая их,— настолько не сомневался в правильности наших расчетов. Телеграммы были отправлены почти в одно время из Конотопа, Кишинева и Унген. Поездные бригады и кассир в Конотопе безоговорочно опознали Батона. Проводники шестого мягкого вагона «Дунай-экспресса», два таможенника и пограничник КПП — Унгены опознали молодого человека по фотоснимкам и сообщили его имя — Фаусто Кастелли.

Фаусто Кастелли, Фаусто Кастелли... Что же это ты, Фаусто, не заявил, что Батон спер у тебя чемоданчик? А, Фаусто? Почему же это ты так поскромничал? Не нравятся мне такие тихие ребята... Такой ты богач, что не хотел себе из-за чемодана голову морочить? Это вряд ли. По опыту я знаю: чем состоятельнее человек, тем бережнее он относится к своим вещам. Нет, из-за этого молчать ты не стал бы, по крайней мере заявил бы проводнику. А ты, Фаусто, друг мой ситный, ни гугу никому. И в декларацию внес только один чемодан, а про тот, что Батон прихватил с собой в Конотопе, ни слова. И как же это крест повешенного генерал-майора фон Дитца, белогвардейца и военного преступника, оказался у тебя в чемодане? Ну, скажи на милость, зачем тебе орден святого князя Александра понадобился? Как он к тебе попал?

Билет у Фаусто Кастелли был до Софии. Проводники показывают, что туда он и приехал благополучно. В Софию, в Софию... Черт те что! Ничего не понятно. Не хотел привлекать к себе внимания? Почему? Почему же ты, голубчик Фаусто, не хотел привлекать к себе внимания уголовного розыска? Слушай, Фаусто, а может быть, ты шпион? А, Фаусто, что скажешь? Нет, говоришь, не шпион? Это, пожалуй, ты говоришь правду. Шпион не повезет с собой открыто вещи, которые при первом же досмотре обязательно привлекут внимание. Так кто же ты, Фаусто? Жулик? Или просто болезненно застенчивый человек, боящийся нас оскорбить намеком, что в великой социалистической стране еще не перевелись воры? Не знаю, не знаю, что-то я не верю в твою гипертрофированную деликатность. Ладно, займемся тобой вплотную.

Как говорит в таких случаях Савельев, объявляется день повышенной дóбычи. Я влез на подоконник и растворил верхнюю фрамугу. По Петровке гонял апрельский ветер, прозрачно парили лужицы на асфальте, а в саду «Эрмитаж» на газонах еще лежали иссеченные солнцем глыбы грязного снега. Рабочие обухами топоров разбивали фанерные колпаки над цветочными вазонами, и этот густой толстый звук — тох! тох! — перекрывал уличный гам. В воде на мостовой купались растрепанные сизари, похожие на опустившихся ворон. Весна. И завтра Батон уже сможет насладиться ею на свободе. Я не смог ему доказать, что воровать нельзя, *нельзя*. Не смог. Какой-то сумасшедший калейдоскоп фактов, не имеющих между собой никакой осязаемой связи: Батон в КПЗ, Фаусто в Софии, генерал фон Дитц на том свете. Всех их связывает крест. Нет, с этим крестом не все ладно. Я не могу пока еще понять его значение, но какая-то роль ему отведена, и, возможно, далеко не второстепенная...

Надо сосредоточиться, понять, что и куда ведет. Так, во-первых, выяснить все о Кастелли. Второе — прочитать дело Дитца. Третье — с Батоном. А что с Батоном? При всей унизительности моего положения Батона придется выпустить. Юридических оснований для дальнейшего содержания под стражей не имеется...

Почему-то в этот день меня никто не дергал, и даже телефоны не звонили, будто мои бесчисленные абоненты почувствовали, что меня не надо сегодня отвлекать. А я сидел за своим маленьким неудобным столом и писал запросы, планы расследования, рисовал оперативную схему и раздумывал о том, что не должна вот так закончиться наша нынешняя встреча с Батоном. Это будет неправильно, ну просто вредно для нас обоих.

Уже совсем стемнело, когда позвонил Савельев. Я рассказал ему о своих изысках, про Дитца, Фаусто Кастелли и про Люду-Людочку-Милу.

— Говоришь, жениться на ней захотел? — с интересом спросил Сашка.

— Ага,— простодушно подтвердил я.

— Красивая, наверное? — допытывался Сашка.

— Как тебе сказать, наверное, красивая,— сказал я.

— Ищи моральные ценности в женщинах и обрящешь подругу себе,— мрачно заключил Сашка.

Я вспомнил Сашкиных знакомых девушек и захохотал.

— Слушай, моралист, а ты сам где сейчас обретаешься?

— Так что в Библиотеке Ленина...

— Что? — удивился я.— Ты как попал туда?

— Истово выполняю ваши поручения, гражданин начальник...

— Ну-ну, давай, давай!

— Значит, подробностями я тебя обременять не стану, сообщу сразу результат: пленочка вся или почти вся отснята в Болгарии.

— Тебе бы хорошо сохранить эту лаконичность для всех остальных случаев, а сейчас уж, будь друг, обремени меня подробностями...

— Хозяин — барин, пожалуйста. В «Экспортфильме» сделали очень неуверенное предположение, что на афише изображен кадр из болгарского кинофильма «Опасный полет». Но, во-первых, утверждать этого категорически они не могли, а во-вторых, болгарский кинофильм мог идти где угодно — хоть в Уругвае.

— Понятно, понятно, дальше...

— Не гони! Сам же просил подробностей. Тогда я в Союз архитекторов. Естественно, запрос наш там еще никто и не смотрел. Ну, поторопил я их...

— Да-а? — протянул я зловеще.

— Не, не, все очень вежливо. Дальше едешь — тише будешь. Ласково все им объяснил, но со слезой в голосе. Ну, отыскали они мне в два счета какого-то дедка в ермолке, вот он сразу и точно заявил, что все красоты на снимках — фрагменты памятников, установленных в Софии и Плевене. Облобызал я деда в бороду и помчался в библиотеку...

— А в библиотеку-то зачем?

— Не понимаешь? — сочувственно спросил Сашка и поцокал языком.— Прав твой друг Батон — не полагается еще тебе медаль за сообразительность.

— Думаешь? — спросил я серьезно.

— Почти уверен. Я деду-эксперту доверяю, но проверяю. Потому как я еще не академик архитектуры, а просто сыщик. Он ведь и ошибется — научный просчет, а мне шею намылят. Вот и взял я тут вечернюю софийскую газету, чтобы ознакомиться с репертуаром местных кинотеатров...

— А что ты по-болгарски понимаешь?

— Все,— спокойно заявил Сашка.— У них язык точно как у нас, только на старославянский смахивает. У нас — я, у них — аз, мы говорим — был, а они — бяше. Я уж подумал, что в одной люльке наши прадеды начались...

— Да, ты у меня крупный исследователь,— согласился я.— Так что с кинофильмом?

— Помнишь, на фото просматривались три буквы названия кинотеатра «СКВ»? Оказывается, в Софии есть кинотеатр, который называется «Мо-СКВ-а»! И с 28 марта по 3 апреля в нем шел кинофильм «Опасный полет». Возражения имеются?

— Порядок. Можешь возвращаться на базу. Выполнял поручение действительно истово.

— Это у меня от неистового отношения к работе,— засмеялся Сашка.— Через полчаса буду у тебя...

— Приходи прямо к Шарапову...

Я сел к машинке и настучал постановление об освобождении Батона из-под стражи, и когда я дошел до слов «...из-под стражи — освободить...», настроение у меня совсем испортилось, потому что обозначали они мой полный провал. Потом спрятал бланк в папку и отправился к шефу. Вошел в его кабинет и, как смог твердо, сказал:

— Полагаю, что Дедушкина ни в коем случае отпускать нельзя!

Как расхваставшийся и неожиданно уличенный мальчишка, я надеялся, что еще может произойти какое-то чудо, которое спасет меня от провала, хотя отлично знал — ничего не может сейчас случиться и Батона надо будет выпустить.

Шарапов поднял взгляд от бумаг и как будто взвесил меня — чего я стою, усмехнулся и снова опустил глаза, дочитывая абзац. При этом он пальцем придерживал строку, будто она соскочит со страницы. Потом подчеркнул что-то карандашом, поставил на поле жирную галку и отложил документ в сторону. Снял очки, положил на стол. Очки он стал носить совсем недавно, и, помнится, когда увидел я их впервые, удивился и расстроился совсем так же, как сегодня, когда понял, что Шарапов больше не белобрысый, а просто седой. Так невероятно было считать его старым...

Шарапов помолчал немного, потом спокойно сказал:

— Судя по твоему тону, все законные основания для содержания Батона под стражей исчерпаны. Да-а...

Это было его излюбленное словечко — да-а. Он говорил его не спеша, врастяг. И в зависимости от интонации оно могло обозначать крайнее неодобрение и восхищение. Незаметно мы все — и Савельев, и Дрыга, и Карагезов... стали говорить «да-а».

— Да-а-а,— повторил он.

Я кивнул:

— Да, почти исчерпаны. Но существует еще арест в порядке статьи девяностой — до десяти суток без предъявления обвинения.

Шарапов усмехнулся:

— Да-а... Я слышал об этом где-то... Там аккурат речь шла об исключительных случаях... Предположим, что мы продержим Батона еще неделю. Но что ты можешь гарантировать? Нет гарантии — извиняться перед Дедушкиным всетаки придется.

— Я, между прочим, не пылесосы выпускаю. И не электробритвы. И никаких гарантий давать заранее не могу. Но... но...

— После такого «но» должно последовать серьезное откровение...

— Этого не обещаю. Но я предлагаю идти в глубь вопроса...

Шарапов поднял белесую бровь. Я разложил на столе оперативную схему и развернутый план по делу.

— Дальнейшая разработка и допросы Батона представляются мне бесперспективными. Откровенничать он не станет. Но мне не дает покоя крест. Странный он, этот крест. Поэтому я хочу исследовать в архиве Верховного Суда дело атамана Семенова. Это раз. А затем самое главное: надо связаться с болгарским уголовным розыском... запросить их о Фаусто Кастелли. Вчера он приехал в Софию. Если он вполне респектабельный человек, надо попросить болгарских коллег порасспросить его о чемодане.

Шарапов зачем-то надел очки и посмотрел на меня исподлобья сквозь дымчатые стекла. В это время постучал в дверь Савельев:

— Разрешите присутствовать, товарищ подполковник?

— Садись. — Шарапов снова снял очки и стал раскручивать их вокруг пальца.— А не торопимся мы, Стас? Может, повременить?

— Ох, до чего же вы, начальство, народ осторожный! Погодим, повременим, подумаем... Тьфу!

Савельев, удобно устроившись на диване, заявил:

— А я вот, например, думаю так...

— А ты пока посиди, отдохни,— сказал я сердито. Савельев пожал плечами, Шарапов усмехнулся:

— Табак наши дела с тобой, Савельев. Тихонов у нас строг: для него каждый работник на пять лет старше — консерватор, а на два года моложе — сосунок. Представляешь этого титана лет через двадцать?

Сашка обрадовался возможности безнаказанно потоптаться на мне и смиренно сказал:

— Так о чем разговор! Наш Тихонов как гусеница из детского стишка: «то сама себя длинней, то сама себя короче...»

Шарапов засмеялся.

— Ты уж меня за перестраховку прости, Стас, но если бы я не «раздумывал» и не «временил», то уже давно бы на углу галоши клеил. Да-а. А вариант твой я не отвергаю, просто меня настораживает резкая смена направления розыска. Помнишь, была такая чемпионка по конькам — Мария Исакова? Вот однажды, много лет назад, я видел, как во время соревнований она на повороте упала. Лед, инерция, закругление — сильно очень закрутило ее. Наконец, она затормозила, вскочила и... побежала в другую сторону...

— Я не бегу в другую сторону,— упрямо сказал я.

— А я этого и не утверждаю. Я,— как это ты любишь говорить,— мобилизую твое внимание.

— Давайте еще раз с Батоном поговорим,— предложил я.

— Бесполезно,— сказал Сашка.— Это же не человек — это кладбище улик.

Но Шарапов уже снял телефонную трубку и коротко приказал:

— Дедушкина ко мне,— положил трубку на рычаг и сказал нам: — Поговорим и, по-видимому, отпустим... Да-а.

Сашка, который не слышал начала нашего разговора, вскочил с дивана:

— То есть как это отпустим? В каком смысле?

— В прямом,— спокойно сказал Шарапов.— Тем более что Батон не иголка, фигура всесоюзно известная и в случае чего никуда от нас не денется.— Он быстро взглянул на меня и снова повернулся к Савельеву.— Я думаю, что у Тихонова уже лежит в папочке постановление о его освобождении. А, Стас?

— Допустим, что лежит,— сказал я зло.

Сашка посмотрел на меня, будто я предал его в тяжелую минуту. Он спросил растерянно:

— Как же это можно? Он ведь вор... Он же отъявленный ворюга...

— Да, он вор. Но мы не доказали этого,— сказал Шарапов грустно. И я подумал, что, когда он нас хвалит, он говорит: вы это хорошо сделали, а когда мы в провале, он говорит: мы этого не смогли сделать.

Сашка обернулся ко мне, будто ища моей поддержки:

— Ну, ты-то что молчишь? Для чего же я его поймал? Ведь его нельзя выпускать. Он представляет собой постоянную общественную опасность! Он ведь завтра снова чего-нибудь украдет...

Шарапов положил очки на стол и сказал задумчиво:

— Да, сынок, ты прав. Он представляет собой общественную опасность. Но содержать в тюрьме человека без достаточных доказательств — еще большая опасность обществу. Ты кое-чего, к счастью, не помнишь...

— Но ведь Батон — преступник, и смысл, содержание закона на нашей стороне,— почти выкрикнул Савельев.

Шарапов твердо сказал:

— Закон — это тебе не абстрактная картина, и смысл его четко выражен в форме. Саша, запомни, пожалуйста, что, когда причастные к закону люди начинают толковать его смысл, а соблюдением формы себя не утруждают, закон очень быстро превращается в беззаконие. Незадолго до моей болезни у нас с Тихоновым был разговор на эту тему. Ты как сказал тогда, Стас? А?

Да, я сказал это тогда, а сейчас я проиграл, и надо признать поражение.

— У нас не бывает побед по очкам...

— А дальше?

— За нами признают только чистые победы.

— Вот именно. И, пожалуйста, правила игры под свой размер не подгоняйте. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что вы не поняли меня... Судя по вашим стонам, вы оба решили, что раз Кастелли в Софии, а Батона надо отпустить, то делу будет позволено догнивать на корню. Должен вас разочаровать — я с вас шкуру спущу, если вы его до конца не доведете. Это считайте как приказ, если нормальных человеческих слов не понимаете...

— Перспектив мало в этом случае,— буркнул Сашка.

— Мало? — сердито посмотрел Шарапов.— Может быть, и мало. Но это твоя вина. Потому что нераскрываемых преступлений не существует. Есть сыщики, которым это не удается.

Савельев, пожав плечами, изобразил возмущение — мол, давайте уж, валите все сразу.

— И мимические жесты свои мне не показывай, для девушек прибереги. Я ведь слышал, как ты в клубе выступал — «единоборство между милиционером и преступником», «поединок закона и преступления». Чушь это все и враки! Да!

— То есть как это? — удивился я.

— А так! Нет никакого единоборства и поединка, поскольку смысл в этих словах — это соревнование один на один. Взять хотя бы, к примеру, твое первое серьезное дело, Савельев. С бандитом Валетиком. Ты как думаешь, взял бы ты его один на один?

— Трудно сказать.

— Тебе трудно, а мне легко. Никогда бы ты его не отработал. И Тихонов бы ничего не сделал. И я то же самое. Он ведь каждого из нас не глупее был. И хоть тебя я, Саша, люблю, но смог ли ты бы спуститься по водосточной трубе с одиннадцатого этажа,— не знаю. А Валетик спустился...

— И что? — все еще задиристо спросил Сашка.

— Ничего. Валетик-то против тебя действительно один, у него весь расчет, как у волка, только на себя. А мы тут против него впятером думали. Но и не это самое главное. Когда ты выходил за Валетиком, у тебя в одном кармане лежал «Макаров», а в другом красная книжечка. Там написано, что ты инспектор МУРа. И эта маленькая картоночка давала тебе силу, ну, просто исключительную! Полномочие от всех людей. Ты был их представитель и, может быть, об этом не думал, но уверен был, что, кому бы ты ни закричал или приказал, попросил, поручил, все будут добросердечно тебе помогать.

— Что ж, значит, я ничего и не сделал? — обиженно сказал Сашка. Я разделял его обиду, потому что дело-то действительно было блестящее.

— Как не сделал? — удивился Шарапов.— Ты прекрасно поработал. Но успех вовсе не от этого твоего «поединка» взялся, и не от храбрости, и теде и тепе... Добросовестность. Понимаешь? Добросовестность в работе. Ты думал тогда хорошо — тяжело, трудно. Как пахал, как лес рубил, с потом, с кровью, больно думал. Оттого и победил...

— Да вы же себе сами противоречите, Владимир Иваныч! — сказал Сашка.

— Нет. Если бы не было тебя, это дело отработал бы Тихонов, или Дрыга, или я. Но никто из нас в одиночку его бы не сделал, разве что случай помог. Да какая надежда на случай — ты сам знаешь. Ты вел это дело, как вожак упряжку. Но тяжелые сани один вожак с места не тронет...

— Теория винтиков?..

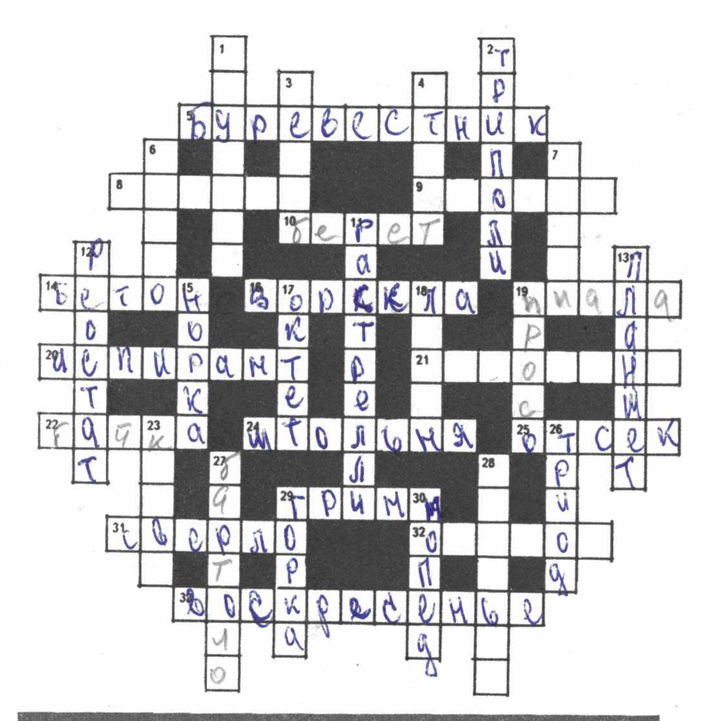
Шарапов усмехнулся:

— Давай, чтоб тебе не было обидно, я назову ее теорией компасов. Ты наш компас. Хорошо? Но ты компас на нашем корабле...

В дверь постучали, вошел конвойный милиционер:

— Товарищ подполковник, задержанный доставлен.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Морская птица. 8. Французский писатель XIX века. 9. Один из Малых Зондских островов. 10. Головной убор. 14. Строительный материал. 16. Приток Днепра. 19. Сосуд для питья. 20. Человек, готовящийся к научной деятельности. 21. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 22. Мягкая ворсистая ткань. 24. Подземная горная выработка. 25. Помещение на корабле между водонепроницаемыми переборками. 29. Братья, авторы сборников немецких сказок. 31. Режущий инструмент. 32. Хищное млекопитающее семейства кошачьих. 33. Роман Л. Н. Толстого.

По вертикали: 1. Лиственное дерево, кустарник. 2. Город в Ливии. 3. Наиболее яркая звезда в созвездии Лебедя. 4. Стержень для неподвижного соединения двух деталей машин. 6. Порт в Нидерландах. 7. Разменная финская монета. 11. Архитектор, построивший Зимний дворец в Петербурге. 12. Аппарат для регулирования напряжения в электрической цепи. 13. Сумка для карт. 15. Пушной зверек. 17. Ансамбль из восьми исполнителей. 18. Промысловая рыба семейства кефалей. 19. Злак. 23. Река в Пермской области. 26. Электронная лампа. 27. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 28. Полудрагоценный камень. 29. Стеклянный шкаф для посуды. 30. Велосипед с мотором.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 4. Ломоносов. 7. Дебют. 8. Цукат. 11. Казачок. 12. Готика. 14. Август. 16. Шоссе. 19. Ярославна. 20. Пожарский. 21. Львов. 23. Ракурс. 26. «Даурия». 28. Пшеница. 29. Вихрь. 30. Тальк. 31. Каракорум.

По вертикали: 1. Ренессанс. 2. Корюшка. 3. «Золушка». 5. Регби. 6. Залог. 9. Простоквaша. 10. Биссектриса. 13. Кунашир. 15. Веранда. 17. Огарь. 18. Сопло. 22. Венявский. 24. «Узник». 25. «Спартак». 26. Дарасун. 27. Устья.

На первой странице обложки: Семнадцать лет работает оператором на комбинате «Словнафт» коммунист Богуш Гавел.— Праздник в Высоких Татрах.— Самые маленькие граждане Чехословакии.

На последней странице обложки: Братислава. Памятник советским воинам на горе Славин.— На комбинате «Словнафт» скоро вступит в строй еще одна установка. Аппаратчик Людовик Канович и инженер Йозеф Желдож активно участвовали в ее строительстве.— Осень в Марианских Лазнях. — Прокладывается пражское метро.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

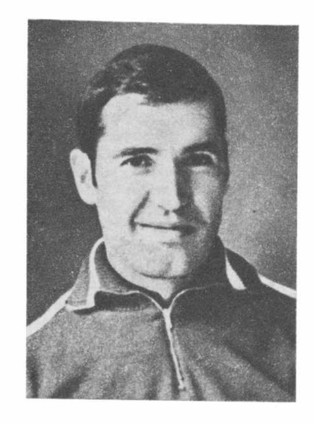
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 9/XI-71 г. А 00657. Подп. к печ. 24/XI-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2427. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2100.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЕВГЕНИЙ РУДАКОВ — ЛУЧШИЙ ВРАТАРЬ

В двенадцатый раз награждает редакция журнала «Огонек» своим Кубком лучшего вратаря страны.

Первым получил этот Кубок в 1960 году Лев Яшин (впоследствии он еще дважды становился огоньковским лауреатом), а вслед за ним лучшими вратарями страны становились В. Маслаченко, С. Котрикадзе, А. Кавазашвили (дважды), Ю. Пшеничников, Е. Рудаков и В. Банников (дважды).

В нынешнем сезоне вратарь киевского «Динамо», первый вратарь сборной команды страны Евгений Рудаков вторично награждается Кубком журнала «Огонек».

«Огонек» выражает сердечную благодарность отделу печати МИД ЧССР, посольству ЧССР в Советском Союзе, а также всем чехословацким товарищам, которые оказали помощь в подготовке этого номера журнала.

●

Номер проиллюстрировали: чехословацкие фоторепортеры Мария Попова, Камил Вискочил, Карел Войнар, Отакар Гурка, Зденек Лабик, Богумил Новотный, Агентство ЧТК и специальные фотокорреспонденты «Огонька» Лев Шерстенников и Юрий Кривоносов. Перевод статей Л. Жуковой и З. Соколовой.

Людо ТАТРАН

РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

Вспомнили об этом и решили заказать для магазина огромную вывеску: «ЗДЕСЬ ПРОДАЕТСЯ СВЕЖАЯ РЫБА»...

Позвали художника, объяснили, что к чему. Он уже хотел приступить к работе, как вдруг возник вопрос:

— А зачем на вывеске слово «ЗДЕСЬ»?.. Всякому ясно, что товар продается там, где висит вывеска...

Решили первое слово убрать. Художник вновь приготовил кисть, но его опять остановили:

— А к чему слово «ПРОДАЕТСЯ»?! Ведь вывеска будет прибита над магазином, а не над музеем! Каждому ясно, что в магазине продаются продукты!..

Постановили оставить только два слова: «СВЕЖАЯ РЫБА».

Художник уже засучил рукава, но его вновь остановили:

— Послушайте, кому нужно слово «СВЕЖАЯ»? Какой дурак будет рекламировать тухлую рыбу?! Оставим четыре буквы: «Р Ы Б А»!.. Коротко и ясно!..

— Можно приступать?— спросил художник и окунул кисть в ведерко с краской.

— Подождите,— сказал вошедший в магазин постоянный покупатель.— А зачем вообще эта вывеска? Ведь и без нее от магазина за целый квартал пахнет рыбой!..

Его совет сочли разумным и отпустили художника.

Надо отметить, между прочим, что не ошиблись. Магазин и без рекламы по-прежнему бойко торгует рыбой!..

Со словацкого перевел Г. МАРКОВИЧ.

Пётра СЕКЕРОВА

РОКОВАЯ ОШИБКА

— Ох, эти проклятые волосы!.. Вместо рыжих стали черные... И именно тогда, когда должен прийти он!.. Но на перекраску времени уже нет... Сделаю начес... Где-то у мамы был лак... Это шампунь... Это... Нет, все не то... Ага, вот лак!..

А что делать с ресницами и бровями?! Уж-ж-жас!.. Где пинцет?!. Где ножницы?! Где тушь?!

А что это за болезненный цвет кожи?!. Ах, мама, мама!.. Где твои румяна?

Знаю, знаю, что в семнадцать лет мазаться излишне. Но ведь сегодня придет он... он!..

А где перламутровая губная помада?!. Ох, все из рук валится! Вот она... Теперь лак для ногтей... Сиреневый, разумеется... Или красный?.. Или перламутровый?.. Красный!.. Что это? Звонок? Неужели он?..

Он! Он!!! Пришел! С цветочками!..

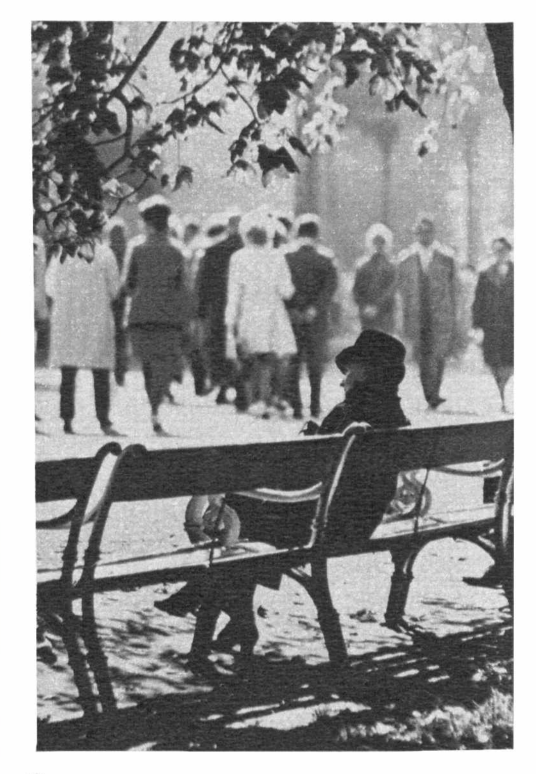
Что он говорит?..

— Простите, мадам... Я, кажется, спутал этажи... Мне нужна одна девушка... Такая нежная блондинка... Но она наверняка живет не здесь, а выше этажом!..

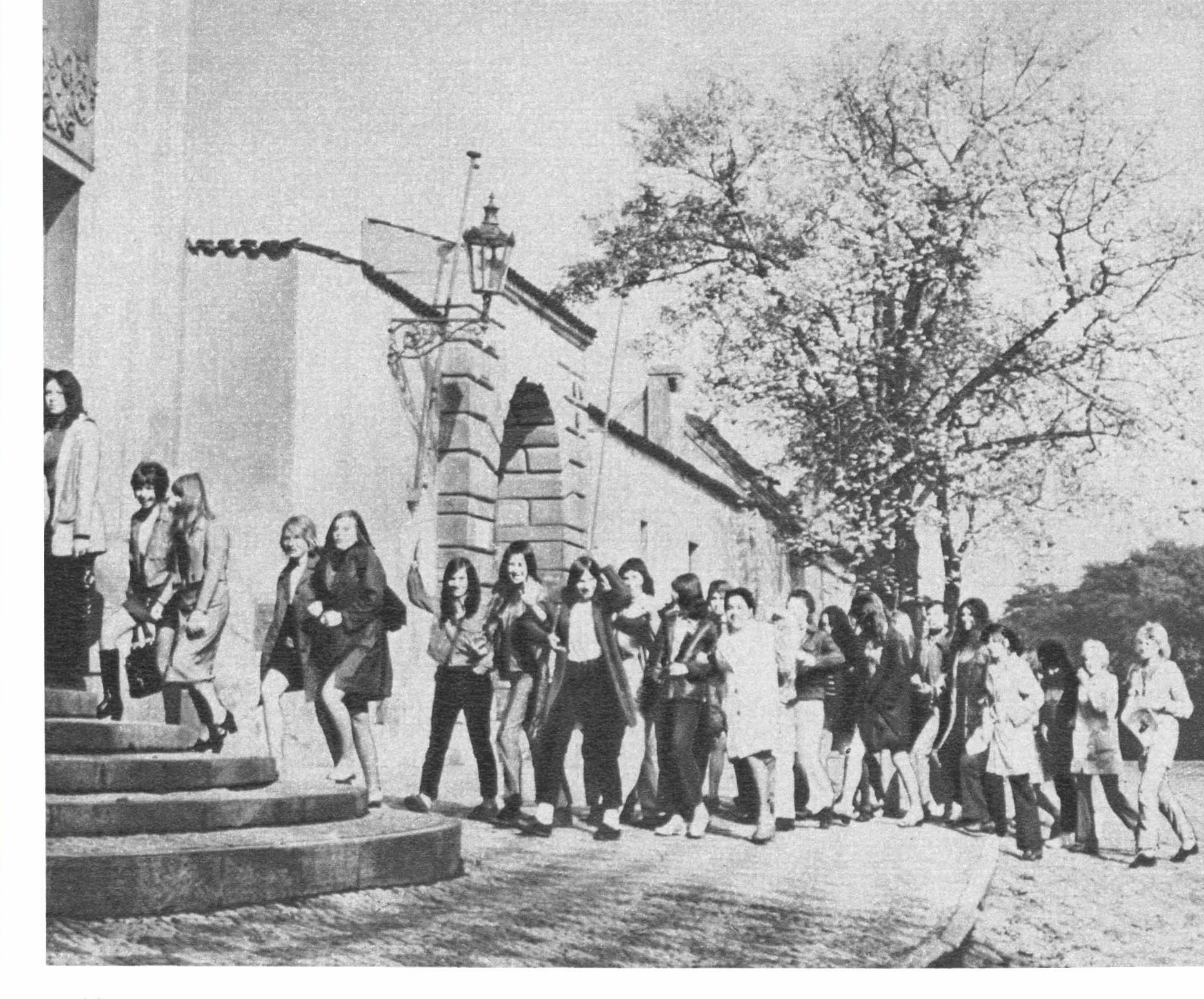
...Боже мой! Он меня не узнал! Не узнал! И ушел наверх! Я хотела крикнуть ему, что это я, но сквозь эту липкую помаду на губах не проскользнуло ни одного слова...

С чешского перевел Г. МАРКОВИЧ.

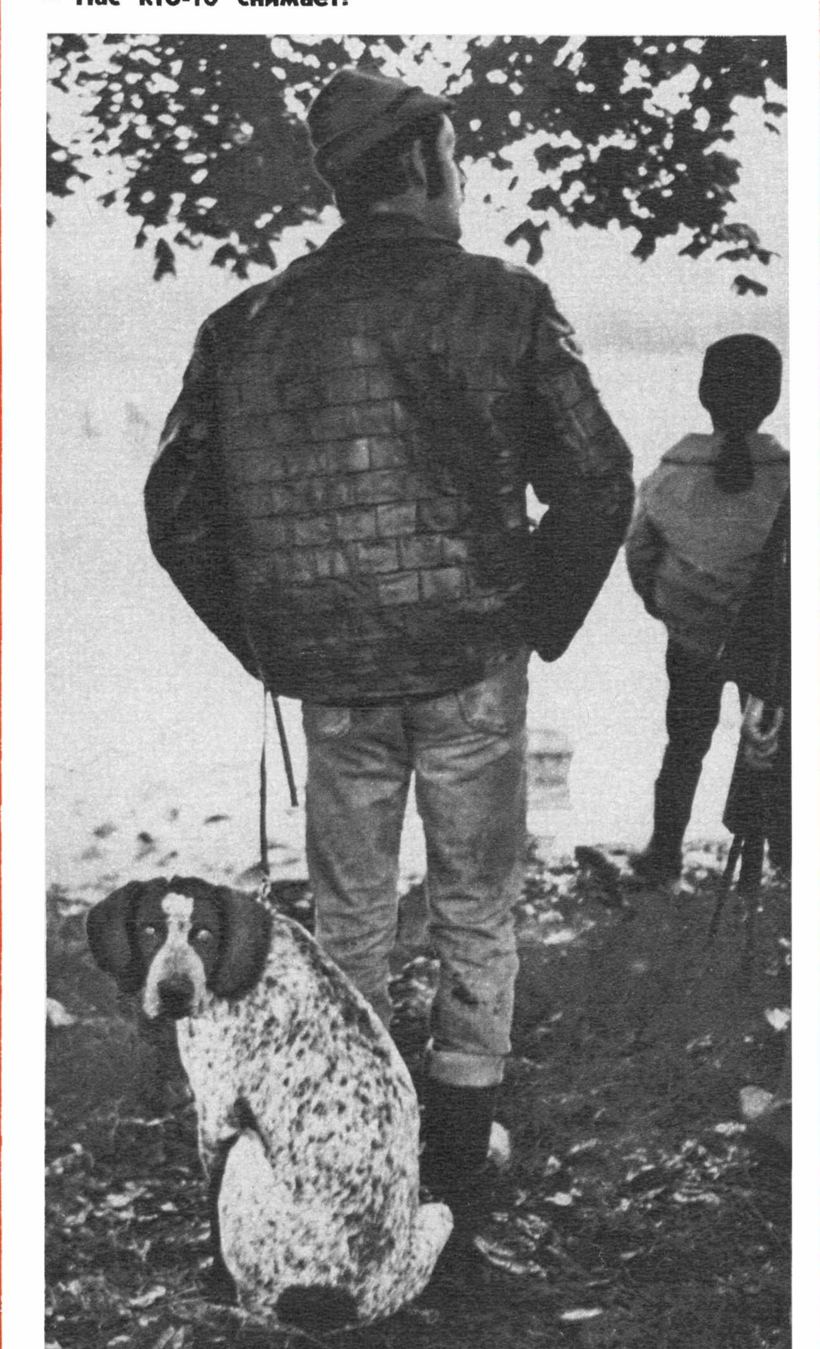

Осень, осень...

— Мы идем на выставку!

— Нас кто-то снимает!

ПРОСТО ЖИЗНЬ

На Карловом мосту.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

